ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА АВВЫ

ІОАННА,

ИГУМЕНА СИНАЙСКОЙ ГОРЫ,

ЛѢСТВИЦА,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

СЪ АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ КОЗЕЛЬСКОЙ ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1898.

ББК 86.372
Л51

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II

ISBN 5-86-288-036-4

© Свято-Успенский
Псково-Печерский
монастырь, 1994

ПРЕДИСЛОВІЕ

КНИГИ СЕЙ, ИМЕНУЕМОЙ СКРИЖАЛИ ДУХОВНЫЯ.

Всѣмъ, поспѣшающимъ написать имена свои въ книгѣ жизни на небесахъ, настоящая книга показываетъ превосходнѣйшій путь. Шествуя симъ путемъ, увидимъ, что она непогрѣшительно руководитъ послѣдующихъ ея указаніямъ, сохраняетъ ихъ неуязвленными, отъ всякаго претыканія, и представляетъ намъ лѣствицу утвержденную, возводящую отъ земнаго во святая-святыхъ, на вершинѣ которой утверждается Богъ любви. Сію, думаю, лѣствицу видѣлъ и Іаковъ, запинатель страстей, когда покоился на подвижническомъ ложѣ. Но взойдемъ, умоляю васъ, съ усердіемъ и вѣрою, на сей умственный и небошественный восходъ, начало котораго — отреченіе отъ земнаго, а конецъ — Богъ любви.

Преподобный отецъ премудро разсудилъ, устроивши для насъ восхожденіе, равночисленное возрасту Господнему по плоти; ибо въ образъ тридцати лѣтъ Господняго совершеннолѣтія гадательно изобразилъ лѣствицу, состоящую изъ тридцати степеней духовнаго совершенства, по которой достигши полноты возраста Господня, мы явимся по-истинѣ праведными и непреклонными къ паденію. А кто не достигъ сей мѣры возраста, тотъ еще

младенецъ, и по точному свидѣтельству сердца окажется несовершеннымъ. Мы признали за нужное прежде всего помѣстить въ этой книгѣ житіе (преподобнаго) премудраго отца, чтобы читатели, взирая на его подвиги, удобнѣе повѣрили его ученію.

Краткое описаніе житія аввы Іоанна, игумена святой горы Синайской, прозваннаго схоластикомъ *) поистинѣ святаго отца.

СОСТАВЛЕННОЕ МОНАХОМЪ РАИѲСКИМЪ ДАНІИЛОМЪ, МУЖЕМЪ ЧЕСТНЫМЪ И ДОБРОДѢТЕЛЬНЫМЪ.

Не могу сказать съ достовѣрною точностію, въ какомъ достопамятномъ градѣ родился и воспитывался сей великій мужъ до исшествія своего на подвигъ брани; а какой градъ нынѣ покоитъ и нетлѣнною пищею питаетъ сего дивнаго, это мнѣ извѣстно. Онъ пребываетъ нынѣ въ томъ градѣ, о которомъ говоритъ велегласный Павелъ, взывая: наше *житіе на небесѣхъ есть* (Филип. 3, 20); невещественнымъ чувствомъ насыщается онъ блага, которымъ невозможно насытиться, и наслаждается невидимою добротою, духовно утѣшается духовнымъ **), получивъ воздаянія, достойныя подвиговъ, и почесть за труды, не трудно понесенные—тамошнее наслѣдіе; и навсегда соединившись съ тѣми, которыхъ *нога ста на правотѣ* (Пс. 25, 12). Но какъ сей вещественный достигъ невещественныхъ силъ и совокупился съ ними, это я постараюсь изъяснить по возможности.

Будучи шестнадцати лѣтъ тѣлеснымъ возрастомъ, совершенствомъ же разума тысящелѣтенъ, сей блаженный принесъ себя самого, какъ нѣкую чистую и самопроизвольную жертву Великому Архіерею, и тѣломъ восшелъ на Синайскую, а душею на небесную гору; съ тѣмъ, думаю, намѣреніемъ, чтобы отъ видимаго сего мѣста имѣть пользу и лучшее наставленіе къ достиженію невидимаго. И такъ, отсѣкши безчестную дерзость отшельничествомъ, сею обладательницею нашихъ мысленныхъ отроковицъ *), воспріявъ же благолѣпное смиренномудріе, онъ, при самомъ вступленіи въ подвигъ, весьма благоразумно отогналъ отъ себя обольстительное самоугодіе и самовѣріе; ибо преклонилъ свою

*) Схоластиками въ древности назывались риторы, законовѣды, или вообще люди ученые.

**) Въ слав. „умомъ единымъ радуяся о Умѣ мысленно созерцаемомъ".

***) То есть страстей. Смотри слово 10-е, главу 3-ю.

вью и ввѣрилъ себя искуснѣйшему учителю, чтобы, при благонадежномъ его руководствѣ, непогрѣшительно переплывать бурное море страстей. Умертвивъ себя такимъ образомъ, онъ имѣлъ въ себѣ душу, какъ бы безъ разума и безъ воли, совершенно свободную и отъ естественнаго свойства; а еще удивительнѣе то, что, обладая внѣшнею мудростію, онъ обучался небесной простотѣ. Дѣло преславное! Ибо кичливость философіи не совмѣщается со смиреніемъ. Потомъ по прошествіи девятнадцати лѣтъ, предпославъ къ Небесному Царю своего учителя, какъ молитвенника и заступника, и самъ онъ исходитъ на поприще безмолвія, нося *сильныя, на разореніе твердынь, оружія* — молитвы великаго (своего отца); и избравъ мѣсто удобное къ подвигамъ уединенія, въ пяти стадіяхъ отъ храма Господня (мѣсто это называется Θола), онъ провелъ тамъ сорокъ лѣтъ въ неослабныхъ подвигахъ, всегда пылая горящею ревностію и огнемъ божественнымъ. Но кто можетъ выразить словами и восхвалить сказаніемъ труды его, тамъ понесенные? И какъ явно представить всякій трудъ его, который былъ тайнымъ сѣяніемъ? Впрочемъ, хотя чрезъ нѣкоторыя главныя добродѣтели извѣстимся о духовномъ богатствѣ сего блаженнаго мужа.

Онъ употреблялъ всѣ роды пищи, безъ предосужденія разрѣшаемые иноческому званію, но вкушалъ весьма мало, премудро сокрушая и чрезъ это, какъ я думаю, рогъ кичливости. Итакъ, малоядѣніемъ угнеталъ онъ госпожу оную, то есть плоть, многаго похотливо желающую, голодомъ вопія къ ней: *молчи, престань*, тѣмъ же, что вкушалъ отъ всего по-немногу, порабощалъ онъ мучительство славолюбія: а пустынно-житіемъ и удаленіемъ отъ людей утолилъ онъ пламень сей (то есть тѣлесной) печи, такъ что онъ совсѣмъ испепелился и угасъ совершенно. Милостынею и скудостію во всемъ потребномъ мужественный сей подвижникъ мужественно избѣжалъ идолослуженія, то есть сребролюбія (Колос. 3, 5), отъ ежечасной смерти душевной, то есть отъ унынія и отъ разслабленія (и) возставлялъ онъ душу, возбуждая ее памятію тѣлесной смерти, какъ остномъ; а сплетеніе пристрастія и всякихъ чувственныхъ помысловъ разрѣшилъ невещественными узами святой печали. Мучительство гнѣва еще прежде было въ немъ умерщвлено мечемъ послушанія; неисходнымъ же уединеніемъ и всегдашнимъ молчаніемъ умертвилъ онъ піявицу паутинаго тщеславія. Что же скажу о той славной побѣдѣ, которую сей добрый таинникъ одержалъ надъ осьмою отроковицею? *) Что скажу о крайнѣйшемъ очищеніи, которое сей Веселеилъ послушанія началъ, а Владыка небеснаго Іеру-

*) То есть гордостію, которая въ числѣ главныхъ восьми страстей есть восьмая.

салима, пришедши, совершилъ Своимъ присутствіемъ; ибо безъ сего не можетъ быть побѣжденъ діаволъ съ сообразнымъ ему полчищемъ. Гдѣ помѣщу, въ настоящемъ нашемъ плетеніи вѣнца, источникъ слезъ его, (дарованіе не во многихъ обрѣтающееся), которыхъ тайное дѣлателище и до нынѣ остается,—это небольшая пещера, находящаяся у подошвы нѣкоторой горы; она на столько отстояла отъ его келліи и отъ всякаго человѣческаго жилища, сколько нужно было для того, чтобы заградить слухъ отъ тщеславія; но къ небесамъ она была близка рыданіями и взываніями, подобными тѣмъ, которыя обыкновенно испускаютъ пронзаемые мечами и прободаемые разженнымъ желѣзомъ, или лишаемые очей. Сна принималъ онъ столько, сколько необходимо было, чтобы умъ не повредился отъ бдѣнія; а прежде сна много молился и сочинялъ книги; это упражненіе служило ему единственнымъ средствомъ противъ унынія. Впрочемъ все теченіе жизни его была непрестанная молитва и пламенная любовь къ Богу; ибо, день и ночь, воображая Его во свѣтлости чистоты, какъ въ зеркалѣ, онъ не хотѣлъ, или точнѣе сказать, не могъ насытиться.

Нѣкто изъ монашествующихъ, именемъ Моисей, поревновавъ житію Іоанна, убѣдительно просилъ его, чтобы онъ принялъ его къ себѣ въ ученики и наставилъ на истинное любомудріе; подвигнувъ старцевъ на ходатайство, Моисей, черезъ ихъ просьбы, убѣдилъ великаго мужа принять себя. Нѣкогда авва повелѣлъ сему Моисею переносить съ одного мѣста на другое землю, которой требовало удобреніе грядъ для зелій: достигши указаннаго мѣста, Моисей безъ лѣности исполнялъ повелѣніе; но какъ въ полдень насталъ чрезвычайный зной, (а тогда былъ послѣдній лѣтній мѣсяцъ), то онъ уклонился подъ большой камень, легъ и уснулъ. Господь же, Который ничѣмъ не хочетъ опечалить рабовъ Своихъ, по обычаю Своему предупреждаетъ угрожавшее ему бѣдствіе. Ибо великій старецъ, сидя въ келліи и размышляя о себѣ и о Богѣ, преклонился въ тончайшій сонъ и видитъ священнолѣпнаго мужа, который возбуждалъ его, и посмѣваясь сну его, говорилъ: „Іоаннъ, какъ ты безпечно спишь, когда Моисей въ опасности?“ Вскочивши немедленно, Іоаннъ вооружился молитвою за ученика своего; и когда тотъ вечеромъ возвратился, спрашивалъ его, не случилась ли съ нимъ какая-нибудь бѣда или нечаянность? Ученикъ отвѣчалъ: огромный камень едва не раздавилъ меня, когда я спалъ подъ нимъ въ полдень: но мнѣ показалось, будто ты зовешь меня, и я вдругъ выскочилъ изъ того мѣста. Отецъ же, поистинѣ смиренномудрый, ничего изъ видѣнія не открылъ ученику; но тайными воплями и воздыханіями любви восхвалялъ благаго Бога.

Сей преподобный былъ и образцемъ добродѣтелей и врачемъ, исцѣ-

лявшимъ сокровенныя язвы. Нѣкто, по имени Исаакій, будучи весьма сильно угнетаемъ бѣсомъ плотской похоти и уже изнемогшій духомъ, поспѣшилъ прибѣгнуть къ сему великому и объявилъ ему свою брань словами, растворенными рыданіемъ. Дивный мужъ, удивляясь вѣрѣ его, сказалъ: станемъ, другъ, оба на молитву. И между тѣмъ, какъ молитва ихъ кончилась, и страждущій еще лежалъ, повергшись ницъ лицомъ, Богъ исполнилъ волю раба Своего (Пс. 144, 19), дабы оправдать слово Давидово; и змѣй, мучимый біеніями истинной молитвы, убѣжалъ; а недужный, увидѣвъ, что избавился отъ недуга, съ великимъ удивленіемъ возсылалъ благодареніе Прославившему и прославленному.

Другіе, напротивъ, подстрекаемые завистію, называли его (преподобнаго Іоанна) излишне говорливымъ и пустословомъ. Но онъ вразумилъ ихъ самымъ дѣломъ и показалъ всѣмъ, что *вся* можетъ о *укрѣпляющемъ* всѣхъ *Христѣ* (Фил. 4, 12); ибо молчалъ въ теченіи цѣлаго года; такъ что порицатели его превратились въ просителей и говорили: заградили мы источникъ приснотекущей пользы, ко вреду общаго всѣхъ спасенія. Іоаннъ же, чуждый прекословія, послушался и снова началъ держаться перваго образа жизни.

Потомъ, всѣ, удивляясь преуспѣянію его во всѣхъ добродѣтеляхъ, какъ бы новоявленнаго Моисея, поневолѣ возвели его на игуменство братіи и, возвысивши сей свѣтильникъ на свѣщникъ начальства, добрые избиратели не погрѣшили; ибо Іоаннъ приблизился къ таинственной горѣ, вшедши во мракъ, куда не входятъ непосвященные; и возводимый по духовнымъ степенямъ, принялъ богоначертанное законоположеніе и видѣніе. Слову Божію отверзъ *уста* свои, *привлекъ Духа, отрынулъ слово*, и *изъ благаго сокровища* сердца своего *изнесъ словеса благая*. Онъ достигъ конца видимаго житія въ наставленіи новыхъ Израильтянъ, т. е. иноковъ, тѣмъ однимъ отличаясь отъ Моисея, что вошелъ въ горній Іерусалимъ, а Моисей, не знаю какъ, не достигъ земнаго.

Духъ Святый говорилъ его устами; свидѣтелями этому служатъ многіе изъ тѣхъ, которые спаслись и до нынѣ спасаются черезъ него. Превосходнымъ свидѣтелемъ премудрости сего премудраго и подаваемаго имъ спасенія былъ новый оный Давидъ *). Свидѣтелемъ того же былъ и добрый Іоаннъ, преподобный нашъ пастырь (Раиѳскій игуменъ). Онъ и убѣдилъ сего новаго боговидца усильными своими просьбами, для пользы братій сойти помышленіемъ съ горы Синайской, и показать намъ свои богописанныя скрижали, въ которыхъ

*) Полагаютъ, что новымъ Давидомъ названъ здѣсь вышеупомянутый Исаакій.

наружно содержится руководство дѣятельное, а внутренно — созерцательное *). Такимъ описаніемъ покусился я въ немногихъ словахъ заключить многое; ибо краткость слова имѣетъ красоту и въ искусствѣ витійства (а).

О томъ же аввѣ Іоаннѣ, игуменѣ Синайской горы, то есть Лѣствичникѣ.

(Повѣствуетъ одинъ монахъ Синайскій, который былъ, какъ и Даніилъ Раиеской, современникомъ преподобному Іоанну).

Нѣкогда авва Мартирій пришелъ съ аввою Іоанномъ къ Анастасію великому; и сей, взглянувъ на нихъ, говоритъ аввѣ Мартирію: „Скажи, авва Мартирій, откуда этотъ отрокъ, и кто постригъ его?“ Тотъ отвѣчалъ: „онъ рабъ твой, отче, и я постригъ его“. Анастасій говоритъ ему: „О, авва Мартирій, кто бы подумалъ, что ты постригъ игумена Синайскаго?“ И святый мужъ не погрѣшилъ: по прошествіи сорока лѣтъ, Іоаннъ сдѣланъ былъ нашимъ игуменомъ.

Въ другое время авва Мартирій, также взявъ съ собою Іоанна, пошелъ къ великому Іоанну Саввaиту, пребывавшему тогда въ пустыни Гуддійской. Увидѣвъ ихъ, старецъ всталъ, налилъ воды, умылъ ноги аввѣ Іоанну и облобызалъ его руку; аввѣ же Мартирію ногъ не умывалъ, и потомъ, когда ученикъ его Стефанъ спросилъ, почему онъ такъ поступилъ, отвѣчалъ ему: „повѣрь мнѣ, чадо, я не знаю, кто этотъ отрокъ; но я принялъ игумена Синайскаго и умылъ ноги игумену“.

Въ день постриженія аввы Іоанна, (а онъ постригся на двадцатомъ году своей жизни), авва Стратигій предсказалъ о немъ, что онъ будетъ нѣкогда великою звѣздою.

Въ тотъ самый день, когда поставили Іоанна нашимъ игуменомъ, и когда сошлось къ намъ около шести сотъ посѣтителей и всѣ они сидѣли, вкушая пищу, Іоаннъ видѣлъ мужа съ короткими волосами, одѣтаго по-іудейски въ плащаницу, который, какъ нѣкій распорядитель, ходилъ повсюду и раздавалъ приказанія поварамъ, экономамъ, келарямъ и прочимъ служителямъ. Когда тѣ люди разошлись и служители сѣли за трапезу, искали сего повсюду ходившаго и раздававшаго приказанія, но нигдѣ не нашли. Тогда рабъ Божій, преподобный

---

*) Т. е. въ Лѣствицѣ внѣшнія слова поучаютъ дѣятельности, а внутренній духовный разумъ наставляетъ къ видѣнію.

(а) Смотри въ концѣ книги, послѣ слова къ пастырю, примѣчанія къ біографіямъ пр. Іоанна Лѣствичника.

отецъ нашъ Іоаннъ, говоритъ намъ: „оставьте его: господинъ Моисей ничего не сдѣлалъ страннаго, послуживъ въ своемъ мѣстѣ“.

Нѣкогда въ Палестинскихъ странахъ было бездождіе; авва Іоаннъ, по прошенію тамошнихъ жителей, помолился, и сошелъ обильный дождь. И нѣтъ ничего тутъ невѣроятнаго; ибо *волю боящихся Его сотворитъ* Господь *и молитву ихъ услышитъ* (Пс. 144, 19).

Надобно знать, что Іоаннъ Лѣствичникъ имѣлъ роднаго брата, чуднаго авву Георгія, котораго онъ еще при жизни своей поставилъ въ Синаѣ игуменомъ, самъ любя безмолвіе, которое и сначала уневѣстилъ себѣ сей премудрый. Когда же Моисей этотъ, преподобный игуменъ нашъ Іоаннъ, отходилъ къ Господу, тогда авва Георгій, братъ его, стоялъ передъ нимъ и говорилъ со слезами: „и такъ, ты оставляешь меня и отходишь; я молился, чтобы ты проводилъ меня: ибо я не возмогу безъ тебя, господине мой, руководить сію дружину: но теперь мнѣ должно проводить тебя“. Авва Іоаннъ сказалъ ему на это: „не скорби и не заботься; если буду имѣть дерзновеніе ко Господу, то не оставлю тебя провести здѣсь и одинъ годъ послѣ меня“. Что и сбылось; ибо [въ десятый мѣсяцъ потомъ отошелъ и сей ко Господу (а).

Посланіе святаго Іоанна, игумена Раиѳскаго, къ досточудному Іоанну, игумену Синайской горы.

Вышеестественному и равноангельному отцу отцевъ и превосходнѣйшему учителю грѣшный Раиѳскій игуменъ желаетъ радоваться о Господѣ.

Зная прежде всего безпрекословное твое о Господѣ послушаніе, украшенное впрочемъ и всѣми добродѣтелями, и въ особенности тамъ, гдѣ надлежитъ умножить данный тебѣ отъ Бога талантъ, мы убогіе употребляемъ по-истинѣ убогое и недостаточное слово, припоминая сказанное въ Писаніи: *вопроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ: старцы твоя, и рекутъ тебѣ* (Втор. 32, 7). И потому, припадая къ тебѣ, какъ къ общему всѣхъ отцу и старшему въ подвижничествѣ, сильнѣйшему въ быстроуміи и превосходнѣйшему учителю, симъ писаніемъ нашимъ молимъ тебя, о, глава добродѣтелей, преподай намъ невѣжественнымъ то, что ты видѣлъ въ боговидѣніи, какъ древній Моисей, и на той же горѣ; и изложи это въ книгѣ, какъ на богописанныхъ скрижаляхъ, въ назиданіе новыхъ Израильтянъ, т. е. людей новоисшедшихъ изъ мысленнаго Египта и изъ моря житейскаго. И какъ ты въ ономъ морѣ, вмѣсто жезла Богоглаголивымъ языкомъ твоимъ, при содѣйствіи Божіемъ, чудодѣйствовалъ: то и нынѣ, не

презирая нашего прошенія, благоволи о Господѣ, для спасенія нашего благоразсудительно и нелѣностно начертать законы, свойственные и приличные монашескому житію; будучи по-истинѣ великимъ наставникомъ всѣхъ начавшихъ такое ангельское жительство. Не подумай, будто слова наши происходятъ отъ лести или ласкательства: тебѣ, о священная глава, извѣстно, что мы чужды такихъ дѣйствій; но въ чемъ всѣ увѣрены, что внѣ всякаго сомнѣнія, видимо всѣми и о чемъ всѣ свидѣтельствуютъ, то и мы повторяемъ. И такъ надѣемся о Господѣ скоро получить и облобызать ожидаемыя нами драгоцѣнныя, на скрижаляхъ оныхъ, начертанія, которыя могутъ служить непогрѣшительнымъ наставленіемъ для истинныхъ послѣдователей Христовыхъ и, какъ лѣствица утвержденная даже до небесныхъ вратъ (Быт. 28, 12), возводить произволяющихъ, чтобы они безвредно, безбѣдственно и невозбранно проходили полчища духовъ злобы, міродержителей тьмы и князей воздушныхъ. Ибо, если Іаковъ, пастырь безсловесныхъ овецъ, видѣлъ на лѣствицѣ такое страшное видѣніе, то тѣмъ болѣе предводитель словесныхъ агнцевъ, не только видѣніемъ, но и дѣломъ и истиною *) можетъ показать всѣмъ непогрѣшительный восходъ къ Богу. Здравствуй о Господѣ, честнѣйшій отче!

ОТВѢТЪ.

Іоаннъ Іоанну желаетъ радоваться.

Получилъ я, воистину достойное высокаго и безстрастнаго житія твоего и чистаго и смиреннаго твоего сердца, посланное тобою къ намъ нищимъ и убогимъ въ добродѣтеляхъ, честное твое писаніе, или лучше сказать, заповѣдь и повелѣніе, превосходящее нашу крѣпость. Такъ, это поистинѣ тебѣ и твоей священной душѣ свойственно просить поучительнаго слова и наставленія у насъ, необученныхъ и невѣжественныхъ дѣломъ и словомъ; ибо она привыкла всегда показывать намъ въ себѣ образецъ смиренномудрія. Впрочемъ скажу и я теперь, что если бы мы не боялись впасть въ великую бѣду отверженіемъ отъ себя святаго ига послушанія, матери всѣхъ добродѣтелей, то и не дерзнули бы безразсудно на предпріятіе, превосходящее нашу силу.

Тебѣ, дивный отче, слѣдовало бы, спрашивая о такихъ предметахъ, научаться отъ мужей, хорошо познавшихъ это; ибо мы находимся

---

*) То есть не только представленіемъ образной лѣствицы оной въ видѣніи, но и самыхъ добродѣтелей, степенями ея изображаемыхъ, опытнымъ и истиннымъ описаніемъ.

еще въ разрядѣ учащихся. Но какъ богоносные отцы наши и тайноучители истиннаго познанія опредѣляютъ, что послушаніе есть несомнѣнная покорность повелѣвающимъ и въ тѣхъ дѣлахъ, которыя превышаютъ нашу силу: то мы, благочестно презрѣвши нашу немощь, смиренно покусились на трудъ превосходящій нашу мѣру; хотя и не думаемъ принести тебѣ какую-нибудь пользу, или объяснить нѣчто такое, что и ты, священная глава, знаешь не меньше насъ. Ибо не только я увѣренъ, но и всякій, думаю, изъ здравомыслящихъ знаетъ, что око ума твоего чисто отъ всякаго земнаго и мрачнаго возмущенія мрачныхъ страстей, и невозбранно взираетъ на Божественный свѣтъ и озаряется имъ. Но, боясь смерти, раждающейся отъ преслушанія, и какъ бы движимый сею боязнію на послушаніе, приступилъ я къ исполненію всечестнаго повелѣнія твоего со страхомъ и любовію, какъ искренній послушникъ и непотребный рабъ превосходнѣйшаго живописца, и при скудномъ моемъ знаніи, и недостаточномъ выраженіи, однимъ только чернилomъ, однообразно начертавъ живыя слова, предоставляю тебѣ, начальникъ учителей и чиноначальникъ, все это украсить, уяснить и, какъ исполнителю скрижалей и закона духовнаго, недостаточное восполнить. И не къ тебѣ посылаю сей трудъ; нѣтъ, это было бы знакомъ крайняго неразумія, ибо ты силенъ о Господѣ не только иныхъ, но и насъ самихъ утверждать въ божественныхъ нравахъ и ученіяхъ, но къ богозванной дружинѣ братій, которые, вмѣстѣ съ нами, учатся у тебя, о избранный учитель! Къ нимъ-то, чрезъ тебя, начинаю сіе слово; ихъ и твоими молитвами, какъ бы нѣкіими водами надежды будучи подъемлемъ, при всей тяжести невѣжества, простираю вѣтрило трости и со всякимъ моленіемъ предаю кормило слова нашего въ руки доброму нашему сокормчему. Притомъ прошу всѣхъ читающихъ: если кто здѣсь усмотритъ нѣчто полезное, то плодъ всего такого, какъ благоразумный, да приписываетъ великому наставнику нашему, а намъ да проситъ воздаянія у Бога за сей слабый трудъ, не на бѣдность сочиненія (по истинѣ всякой неопытности исполненнаго), взирая, но принимая намѣреніе приносящаго, какъ вдовичье приношеніе *); ибо Богъ воздаетъ награду не множеству даровъ и трудовъ, но множеству усердія.

*) У Паисія Величк. вдовическое предложеніе. Въ печат. греч. книгѣ: *Κυριακὴν* (вѣроятно вмѣсто *χηριακὴν*) *πρόθεσιν*.

ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ СЛОВА
АВВЫ ІОАННА,
ИГУМЕНА МОНАХОВЪ СИНАЙСКОЙ ГОРЫ,

ПОСЛАННЫЯ ИМЪ КЪ АВВѢ ІОАННУ, ИГУМЕНУ РАИѲСКОМУ, КОТОРЫЙ ПОБУДИЛЪ ЕГО КЪ СЕМУ СОЧИНЕНІЮ.

СЛОВО 1.

Объ отреченіи отъ житія мірскаго.

1. Изъ всѣхъ созданныхъ благимъ и преблагимъ и всеблагимъ Богомъ нашимъ и Царемъ, (ибо слово къ рабамъ Божіимъ прилично и начать отъ Бога), разумныхъ и достоинствомъ самовластія почтенныхъ существъ, одни суть други Его, другіе истинные рабы, иные рабы непотребные, иные совсѣмъ чужды Его, а другіе, наконецъ, хотя и немощны, однако противятся Ему. И други Его, о священный отче, какъ мы скудоумные полагаемъ, суть собственно умныя и безтѣлесныя существа, Его окружающія; истинные рабы Его — всѣ тѣ, которые нелѣностно и неослабно исполняютъ волю Его, и тѣ, которые хотя и удостоились крещенія, но обѣтовъ, данныхъ при ономъ, не сохранили какъ должно. Подъ именемъ чуждыхъ Бога и враговъ Его слѣдуетъ разумѣть невѣрныхъ, или зловѣрныхъ (еретиковъ); а противники Богу суть тѣ, кои не только повелѣнія Господня сами не приняли и отвергли, но и сильно вооружаются противъ исполняющихъ оное.

2. Каждое изъ сказанныхъ состояній требуетъ особеннаго и приличнаго слова; но для насъ, невѣждъ,

въ настоящемъ случаѣ неполезно излагать это пространно. И такъ поспѣшимъ теперь исполнить повелѣніе истинныхъ рабовъ Божіихъ, которые благочестиво насъ понудили и вѣрою своею убѣдили; въ несомнѣнномъ *) послушаніи простремъ недостойную нашу руку и, принявши трость слова отъ ихъ же разума, омочимъ въ темновидное, но свѣтящееся смиренномудріе; и на гладкихъ и чистыхъ сердцахъ ихъ, какъ на нѣкоторой бумагѣ, или лучше сказать, на духовныхъ скрижаляхъ станемъ живописать Божественныя слова, или вѣрнѣе, Божественныя сѣмена, и начнемъ такъ:

3. Всѣхъ одаренныхъ свободною волею Богъ есть и жизнь, и спасеніе всѣхъ, вѣрныхъ и невѣрныхъ, праведныхъ и неправедныхъ, благочестивыхъ и нечестивыхъ, безстрастныхъ и страстныхъ, монаховъ и мірскихъ, мудрыхъ и простыхъ, здравыхъ и немощныхъ, юныхъ и престарѣлыхъ; такъ какъ всѣ безъ изъятія пользуются изліяніемъ свѣта, сіяніемъ солнца и перемѣнами воздуха; нѣсть бо лицепріятія у Бога (Рим. 2, 11).

4. Нечестивый есть разумное и смертное созданіе, произвольно удаляющееся отъ жизни оной (Бога), и о Творцѣ своемъ присносущемъ помышляющее, какъ о несуществующемъ. Законопреступникъ есть тотъ, кто законъ Божій содержитъ по своему злоумію и думаетъ вѣру въ Бога совмѣстить съ ересію противною. Христіанинъ есть тотъ, кто, сколько возможно человѣку, подражаетъ Христу словами, дѣлами и помышленіями, право и непорочно вѣруя во Святую Троицу. Боголюбецъ есть тотъ, кто пользуется всѣмъ естественнымъ и безгрѣшнымъ и, по силѣ своей, старается дѣлать добро. Воздержникъ тотъ, кто посреди искушеній, сѣтей и молвы, всею силою ревнуетъ подражать нравамъ свободнаго отъ всего такого. Монахъ есть тотъ, кто, будучи облеченъ въ вещественное и бренное тѣло, подражаетъ жизни и состоянію безплотныхъ. Монахъ есть тотъ, кто держится однихъ только Божіихъ словесъ и заповѣдей

*) Въ непрекословномъ.

во всякомъ времени и мѣстѣ, и дѣлѣ. Монахъ есть всегдашнее понужденіе естества и неослабное храненіе чувствъ. Монахъ есть тотъ, у кого тѣло очищенное, чистыя уста и умъ просвѣщенный. Монахъ есть тотъ, кто, скорбя и болѣзнуя душею, всегда памятуетъ и размышляетъ о смерти, и во снѣ, и во бдѣніи. Отреченіе отъ міра есть произвольная ненависть къ веществу, похваляемому мірскими, и отверженіе естества, для полученія тѣхъ благъ, которыя превыше естества.

5. Всѣ, усердно оставившіе житейское, безъ сомнѣнія, сдѣлали это, или ради будущаго царствія, или по множеству грѣховъ своихъ, или изъ любви къ Богу. Если же они не имѣли ни одного изъ сихъ намѣреній, то удаленіе ихъ изъ міра было безразсудное. Впрочемъ добрый нашъ Подвигоположникъ ожидаетъ, каковъ будетъ конецъ ихъ теченія.

6. Исшедшій изъ міра для того, чтобы избавиться отъ бремени грѣховъ своихъ, да подражаетъ тѣмъ, которые сидятъ надъ гробами внѣ города, и да не престаетъ изливать теплыя и горячія слезы, и да не прерываетъ безгласныхъ рыданій сердца, до тѣхъ поръ, пока и онъ не увидитъ Іисуса, пришедшаго и отвалившаго отъ сердца камень ожесточенія, и умъ нашъ, какъ Лазаря, отъ узъ грѣховныхъ разрѣшившаго, и повелѣвшаго слугамъ Своимъ, ангеламъ: *разрѣшите его* отъ страстей, и *оставите* его *ити* (Іоан. 11, 44), къ блаженному безстрастію. Если же не такъ, то (отъ удаленія изъ міра) не будетъ ему никакой пользы.

7. Когда хотимъ выйти изъ Египта и бѣжать отъ Фараона, то и мы имѣемъ необходимую нужду въ нѣкоемъ Моисеѣ, т. е. ходатаѣ къ Богу и по Богѣ, который, стоя посреди дѣянія и видѣнія, воздѣвалъ бы за насъ руки къ Богу, чтобы наставляемые имъ перешли море грѣховъ и побѣдили Амалика страстей. И такъ, прельстились тѣ, которые, возложивъ упованіе на самихъ себя *), сочли, что не имѣютъ нужды ни въ

*) У Паисія Величк.: „самѣхъ себѣ предательствующіи.“

какомъ путеводителѣ; ибо исшедшіе изъ Египта имѣли наставникомъ Моисея, а избѣжавшіе изъ Содома — Ангела. И одни изъ нихъ т. е. исшедшіе изъ Египта, подобны тѣмъ, которые съ помощію врачей исцѣляютъ душевныя страсти; а другіе подобны желающимъ совлечься нечистоты окаяннаго тѣла; потому они и требуютъ помощника—Ангела, т. е. равноангельнаго мужа: ибо по гнилости ранъ потребенъ для насъ и врачъ весьма искусный.

8. Покусившимся съ тѣломъ взойти на небо, поистинѣ потребны крайнее понужденіе и непрестанныя скорби, особенно въ самомъ началѣ отреченія, доколѣ сластолюбивый нашъ нравъ и безчувственное сердце истиннымъ плачемъ не претворятся въ боголюбіе и чистоту. Ибо трудъ, поистинѣ трудъ и большая сокровенная горесть неизбѣжны въ семъ подвигѣ, особенно для нерадивыхъ, доколѣ умъ нашъ, сей яростный и сластолюбивый песъ, чрезъ простоту, глубокое безгнѣвіе и прилежаніе, не сдѣлается цѣломудреннымъ и люборазсмотрительнымъ. Впрочемъ будемъ благодушны, страстные и изнемогающіе; немощь нашу и душевное безсиліе несомнѣнною вѣрою, какъ десною рукою, представляя и исповѣдуя Христу, непремѣнно получимъ помощь Его, даже сверхъ нашего достоинства, если только всегда будемъ низводить себя въ глубину смиренномудрія.

9. Всѣмъ приступающимъ къ сему доброму подвигу, жестокому и тѣсному, но и легкому, должно знать, что они пришли ввергнуться въ огонь, если только хотятъ, чтобы въ нихъ вселился невещественный огонь. Посему каждый да искушаетъ себя, и потомъ уже отъ хлѣба житія иноческаго, который съ горькимъ зеліемъ, да ястъ, и отъ чаши сей, которая со слезами, да піетъ: да не въ судъ себѣ воинствуетъ. Если не всякій кто крестился спасется, то... умолчу о послѣдующемъ.

10. Приходящіе къ сему подвигу должны всего отречься, все презрѣть, всему посмѣяться, все отвергнуть, чтобы положить имъ твердое основаніе. Благое же основаніе, трехсоставное или трехстолпное, составляютъ

незлобіе, постъ и цѣломудріе. Всѣ младенцы во Хрістѣ да начинаютъ съ этихъ добродѣтелей, принимая въ примѣръ чувственныхъ младенцевъ, у которыхъ никогда ничего нѣтъ злобнаго, ничего льстиваго; нѣтъ у нихъ ни алчности неутолимой, ни ненасытнаго чрева, ни тѣлеснаго разжженія; оно появляется уже впослѣдствіи, съ возрастомъ и можетъ быть по умноженіи пищи.

11. Поистинѣ достойно ненависти и бѣдственно, когда борющійся, при самомъ вступленіи въ борьбу, ослабѣваетъ, показывая этимъ вѣрный признакъ близкаго своего побѣжденія. Отъ твердаго начала, безъ сомнѣнія будетъ намъ польза, если бы мы впослѣдствіи и ослабѣли; ибо душа, бывшая прежде мужественною и ослабѣвши, воспоминаніемъ прежней ревности, какъ острымъ орудіемъ, бываетъ возбуждаема, посему многократно нѣкоторые воздвигали себя такимъ образомъ (отъ разслабленія).

12. Когда душа, предательствуя сама себя, погубитъ блаженную и вожделѣнную теплоту, тогда пусть изслѣдуетъ прилежно, по какой причинѣ она ея лишилась; и на эту причину да обратитъ весь трудъ свой и все прилежаніе; ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возвратить, какъ тѣми же дверьми, которыми она вышла.

13. Отрекшійся отъ міра изъ страха подобенъ ѳиміаму, который сперва благоухаетъ, а послѣ оканчивается дымомъ. Оставившій міръ ради воздаянія подобенъ мельничному жернову, который всегда одинаково движется; а исшедшій изъ міра по любви къ Богу въ самомъ началѣ пріобрѣтаетъ *огнь*, который, бывъ вверженъ въ вещество, вскорѣ возжетъ сильный пожаръ.

14. Нѣкоторые кладутъ въ строеніи кирпичъ поверхъ камня; другіе утвердили столбы на землѣ; а иные, пройдя небольшую часть пути и разогрѣвъ жилы и члены, потомъ шли быстрѣе. Разумѣющій да разумѣетъ, что значитъ это гадательное слово. *).

15. Какъ позванные Богомъ и Царемъ, усердно

*) См. въ концѣ книги примѣчанія на Лѣствицу: а.

устремимся въ путь, дабы намъ, маловременнымъ на землѣ, въ день смерти не явиться безплодными и не погибнуть отъ голода. Благоугодимъ Господу, какъ воины угождаютъ Царю; ибо, вступивши въ это званіе, мы подлежимъ строгому отвѣту о служеніи. Убоимся Господа хотя такъ, какъ боимся звѣрей; ибо я видѣлъ людей, шедшихъ красть, которые Бога не убоялись, а услышавъ тамъ лай собакъ, тотчасъ возвратились назадъ, и чего не сдѣлалъ страхъ Божій, то успѣлъ сдѣлать страхъ звѣрей. Возлюбимъ Господа, хотя такъ, какъ любимъ и почитаемъ друзей; ибо я много разъ видѣлъ людей, прогнѣвавшихъ Бога и нисколько о томъ не заботившихся, но тѣ же самые, какою-нибудь малостію огорчивъ своихъ друзей, употребляли все искусство, выдумывали всякіе способы, всячески изъявляли имъ свою скорбь и свое раскаяніе, и лично, и чрезъ иныхъ, друзей и родственниковъ, приносили извиненія, и посылали оскорбленнымъ подарки, чтобы только возвратить прежнюю ихъ любовь.

16. Въ самомъ началѣ отреченія безъ сомнѣнія съ трудомъ, понужденіемъ и горестію исполняемъ добродѣтели; но преуспѣвши, перестаемъ ощущать въ нихъ скорбь, или ощущаемъ, но мало; а когда плотское мудрованіе наше будетъ побѣждено и плѣнено усердіемъ, тогда совершаемъ ихъ уже со всякою радостію и ревностію, съ вожделѣніемъ и Божественнымъ пламенемъ.

17. Сколько похвальны тѣ, которые съ самаго начала со всею радостію и усердіемъ совершаютъ заповѣди: столько достойны жалости тѣ, которые, долго пребывая въ иноческомъ обученіи, еще съ трудомъ совершаютъ, хотя и совершаютъ, подвиги добродѣтелей.

18. Не будемъ презирать или осуждать и такія отреченія, которыя бываютъ по обстоятельствамъ; ибо я видѣлъ бывшихъ въ бѣгствѣ, которые, нечаянно встрѣтившись съ царемъ, противъ своего желанія пошли въ слѣдъ его, и вшедши съ нимъ въ чертогъ, возсѣли вмѣстѣ съ нимъ за трапезу. Видѣлъ я, что сѣмя, нечаянно упавшее на землю, принесло изобильный и

прекрасный плодъ; какъ и противное сему случается. Опять видѣлъ я человѣка, который пришелъ во врачебницу не за тѣмъ, чтобы лѣчиться, а по нѣкоторой другой потребности: но, привлеченный и удержанный ласковымъ пріемомъ врача, онъ освободился отъ мрака, лежавшаго на его очахъ. Такимъ образомъ и невольное въ нѣкоторыхъ было тверже и надежнѣе, чѣмъ произвольное въ другихъ.

19. Никто не долженъ, выставляя тяжесть и множество грѣховъ своихъ, называть себя недостойнымъ монашескаго обѣта, и ради своего сладострастія мнимо унижать себя, вымышляя извиненія во грѣхахъ своихъ (Пс. 140, 4); ибо гдѣ много гнилости, тамъ нужно и сильное врачеваніе, которое очистило бы скверну; а здоровые не поступаютъ въ больницу.

20. Если бы земной царь позвалъ насъ, и пожелалъ бы насъ поставить въ служеніе предъ лицемъ своимъ: мы не стали бы медлить, не извинялись бы, но оставивъ все, усердно поспѣшили бы къ нему. Будемъ же внимать себѣ, чтобы, когда Царь царствующихъ и Господь господствующихъ и Богъ боговъ зоветъ насъ къ небесному сему чину, не отказаться по лѣности и малодушію, и на великомъ судѣ Его не явиться безотвѣтными. Можетъ ходить и тотъ, кто связанъ узами житейскихъ дѣлъ и попеченій, но неудобно; ибо часто и тѣ ходятъ, у которыхъ желѣзныя оковы на ногахъ: но они много претыкаются, и получаютъ отъ этого язвы. Человѣкъ неженатый, а только дѣлами связанный въ мірѣ, подобенъ имѣющему оковы на однѣхъ рукахъ; а потому, когда онъ ни пожелаетъ, можетъ невозбранно прибѣгнуть къ монашескому житію; женатый же подобенъ имѣющему оковы и на рукахъ и на ногахъ.

21. Нѣкоторые люди, нерадиво живущіе въ мірѣ, спросили меня, говоря: „какъ мы, живя съ женами и оплетаясь мірскими попеченіями, можемъ подражать житію монашескому?“ Я отвѣчалъ имъ: „все доброе, что только можете дѣлать, дѣлайте; никого не укоряйте, не окрадывайте, никому ни лгите, ни передъ кѣмъ не

возноситесь, ни къ кому не имѣйте ненависти, не оставляйте церковныхъ собраній, къ нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой части *), *и будьте довольны оброки* женъ вашихъ. Если такъ будете поступать, то не далеко будете отъ царствія небеснаго".

22. Съ радостію и страхомъ приступимъ къ доброму сему подвигу; не будемъ бояться враговъ нашихъ, ибо они взираютъ на лице нашей души, хотя сами и невидимы; и когда замѣтятъ, что оно измѣнилось отъ боязни, тогда сіи коварные яростнѣе вооружаются противъ насъ, зная, что мы устрашились. И такъ вооружимся противъ нихъ благодушно; ибо съ мужественнымъ борцемъ никто бороться не смѣетъ.

23. Господь, по особенному промыслу Своему, облегчилъ брани для новоначальныхъ, чтобы они при самомъ началѣ не возвратились тотчасъ же въ міръ. И такъ, радуйтесь всегда о Господѣ, всѣ рабы Божіи, видя въ этомъ первый знакъ любви Господней къ вамъ, и что Онъ Самъ васъ призвалъ. Впрочемъ знаемъ, что Богъ часто и другимъ образомъ поступаетъ; т. е. когда Онъ видитъ мужественныя души, то съ самаго начала попускаетъ на нихъ брани, желая ихъ скоро увѣнчать. Но отъ живущихъ въ мірѣ Господь утаилъ неудобство, или лучше сказать удобство сего поприща; ибо еслибы они это знали, то никто не отрекался бы отъ міра.

24. Усердно приноси Христу труды юности твоей, и возрадуешься о богатствѣ безстрастія въ старости: ибо собираемое въ юности питаетъ и утѣшаетъ изнемогшихъ въ старости. Юные! потрудимся ревностно, потечемъ трезвенно; ибо смерть неизвѣстна. Мы имѣемъ враговъ лукавыхъ и злыхъ, коварныхъ, пронырливыхъ, держащихъ огонь въ рукахъ и желающихъ сжечь храмъ Божій тѣмъ самымъ пламенемъ, который въ немъ **), враговъ сильныхъ и никогда не спящихъ, невещественныхъ и невидимыхъ. И такъ никто изъ

*) Въ стар. переводѣ: Не прикасайтесь къ чуждому ложу.
**) Т. е. пламенемъ собственныхъ его страстей.

юныхъ не долженъ слушать враждебныхъ бѣсовъ, когда они внушаютъ ему, говоря: „не изнуряй своего тѣла, чтобы не впасть въ болѣзнь и немощи“. Ибо едва ли найдется кто нибудь, особенно въ настоящемъ родѣ, рѣшившійся умертвить свое тѣло, хотя иной и лишаетъ себя многихъ и сладкихъ явствъ; намѣреніе же бѣсовъ въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы и самое вступленіе наше въ подвигъ сдѣлать слабымъ и нерадивымъ, а потомъ и конецъ сообразнымъ началу.

25. Желающіе истинно работать Христу прежде всего да приложатъ стараніе, чтобы, при помощи духовныхъ отцевъ и собственнымъ разсужденіемъ, избрать себѣ приличныя мѣста и образы жизни, пути и обученія: ибо не для всѣхъ полезно общежитіе, по причинѣ сластолюбія, и не всѣ способны къ безмолвію, по причинѣ гнѣва (б); но каждому должно разсматривать, какой путь соотвѣтствуетъ его качествамъ.

26. Все житіе монашеское содержится въ трехъ главныхъ устроеніяхъ и образахъ подвига: или въ подвижническомъ уединеніи и отшельничествѣ; или въ томъ, чтобы безмолвствовать съ однимъ и, много, съ двумя; или наконецъ въ томъ, чтобы терпѣливо пребывать въ общежитіи. *Не уклонися,* говоритъ Екклесіастъ, *ни на десно, ниже на шуе* (Притч. 4, 27), но путемъ царскимъ иди. Средній изъ этихъ образовъ жизни многимъ приличенъ; — ибо тотъ же Екклесіастъ говоритъ: *горе единому,* ибо если онъ *падетъ* въ уныніе (Еккл. 4, 10), или въ сонливость, или въ лѣность, или въ отчаяніе, то нѣтъ человѣка *воздвигнути его. А идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредъ ихъ,* сказалъ Господь (Матѳ. 18, 20).

27. И такъ, кто есть инокъ вѣрный и мудрый? Кто горячность свою сохранилъ неугасимою, и даже до конца жизни своей не переставалъ всякій день прилагать огнь къ огню, горячность къ горячности, усердіе къ усердію, и желаніе къ желанію.

Первая степень. Вступившій на нее не обращайся вспять.

СЛОВО 2.

О безпристрастіи, то есть, отложеніи попеченій и печали о мірѣ.

1. Кто истинно возлюбилъ Господа, кто истинно желаетъ и ищетъ будущаго царствія, кто имѣетъ истинную скорбь о грѣхахъ своихъ, кто поистинѣ стяжалъ память о вѣчномъ мученіи и страшномъ судѣ, кто истинно страшится своего исхода изъ сей жизни, тотъ не возлюбитъ уже ничего временнаго, уже не позаботится и не попечется ни объ имѣніяхъ и пріобрѣтеніяхъ, ни о родителяхъ, ни о славѣ міра сего, ни о друзьяхъ, ни о братьяхъ, словомъ ни о чемъ земномъ; но отложивъ все мірское и всякое о немъ попеченіе, еще же, и прежде всего, возненавидѣвъ самую плоть свою, нагъ, и безъ попеченій и лѣности послѣдуетъ Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себѣ помощи, по слову святаго, сказавшаго: *прильпе душа моя по Тебѣ* (Пс. 62, 9); и по изреченію инаго приснопамятнаго: *азъ же не утрудихся, послѣдуяй Тебѣ, и дне,* или покоя *человѣка не пожелахъ,* Господи (Іер. 17, 16).

2. Великій стыдъ намъ, оставившимъ все вышеозначенное, послѣ призванія, которымъ Господь, а не человѣкъ, насъ позвалъ, заботиться о чемъ-нибудь такомъ, что̀ не можетъ принести намъ пользы во время великой нашей нужды, то есть во время исхода души. Сіѐ то значитъ, какъ Господь сказалъ, обратиться вспять, и не быть управлену въ царствіе небесное. Господь нашъ, зная удобопоползновенность нашу въ новоначаліи, и что мы, живя и обращаясь съ мірскими, легко можемъ опять возвратиться въ міръ, сказавшему: *повели* мнѣ пойти погребсти отца моего, говоритъ: *остави мертвыя погребсти своя мертвецы* (Луки 9, 59. 60).

3. Бѣсы, по отреченіи нашемъ отъ міра, внушаютъ намъ ублажать милостивыхъ и сострадательныхъ изъ мірянъ, а себя окаявать, какъ лишившихъ себя таковыхъ добродѣтелей. Намѣреніе же сихъ враговъ

нашихъ то, чтобы чрезъ ложное смиреніе или въ міръ возвратить насъ, или, если остаемся въ монашествѣ, низринуть насъ въ отчаяніе. Иное дѣло, по высокомѣрію своему уничижать живущихъ въ мірѣ; а иное въ удаленіи отъ нихъ, охуждать ихъ, съ тѣмъ, чтобы избѣжать отчаянія и стяжать надежду спасенія.

4. Итакъ услышимъ, что Господь сказалъ юношѣ оному, по видимому исполнившему всѣ заповѣди: единаго ти недостаетъ, продать имѣніе и раздать нищимъ (Лук. 18, 22), и самого себя сдѣлать нищимъ, пріемлющимъ милостыню отъ другихъ.

5. Всѣ, желающіе съ пламеннымъ усердіемъ проходить подвигъ (иночества), разсмотримъ внимательно, какъ Господь всѣхъ пребывающихъ въ мірѣ и живыхъ назвалъ мертвыми, сказавъ нѣкоему: оставь мертвымъ, то есть мірянамъ, умершимъ въ суетѣ мірской, погребать мертвыхъ тѣломъ (Лук. 9, 60). Богатство нисколько не препятствовало оному юношѣ приступить ко крещенію. Посему напрасно нѣкоторые думаютъ, что Господь ради крещенія повелѣвалъ ему продать богатство. Этого свидѣтельства Христова да будетъ довольно для совершеннаго увѣренія насъ въ величайшей славѣ монашескаго званія.

6. Должно изслѣдовать, почему живущіе въ мірѣ, и пребывающіе во бдѣніяхъ, въ постахъ и злостраданіяхъ, когда, по удаленіи изъ міра, приступаютъ къ монашескому житію, какъ къ мѣсту испытанія и подвижническому поприщу, не проходятъ уже прежняго своего подвига, ложнаго и притворнаго. Видѣлъ я весьма многія и различныя растенія добродѣтелей, насаждаемыя мірскими людьми, и какъ бы отъ подземнаго стока нечистоты напаяемыя тщеславіемъ, окапываемыя самохвальствомъ и утучняемыя навозомъ похвалъ; но онѣ скоро засохли, когда были пересажены на землю пустую, недоступную для мірскихъ людей, и не имѣющую смрадной влаги тщеславія, ибо любящія влагу растенія не могутъ приносить плода въ сухихъ и безводныхъ мѣстахъ.

7. Если кто возненавидѣлъ міръ, тотъ избѣжалъ печали. Если же кто имѣетъ пристрастіе къ чему-либо видимому, то еще не избавился отъ нея; ибо какъ не опечалиться, лишившись любимой вещи? Хотя во всемъ нужно намъ имѣть великое трезвеніе, но прежде прочаго должно въ этомъ отношеніи наиболѣе быть разумно внимательными. Я видалъ многихъ въ мірѣ, которые чрезъ попеченія, заботы, занятія и бдѣнія тѣлесныя, избѣгали неистовства своего тѣла; но вступивши въ монашество, и обезпеченные здѣсь по всему, жалкимъ образомъ осквернялись отъ плотскаго движенія *).

8. Будемъ внимать себѣ, чтобы, думая итти узкимъ и тѣснымъ путемъ, въ самомъ дѣлѣ не блуждать по пространному и широкому. Узкій путь будетъ тебѣ показанъ утѣсненіемъ чрева, всенощнымъ стояніемъ, умѣреннымъ питіемъ воды, скудостью хлѣба, чистительнымъ питіемъ безчестія, принятіемъ укоризнъ, осмѣяній, ругательствъ, отсѣченіемъ своей воли, терпѣніемъ оскорбленій, безропотнымъ перенесеніемъ презрѣнія и тяготы досажденій, когда будешь обиженъ — терпѣть мужественно; когда на тебя клевещутъ—не негодовать; когда уничижаютъ — не гнѣваться; когда осуждаютъ — смиряться. Блаженны ходящіе стезями показаннаго здѣсь пути, *яко тѣхъ есть царство небесное* (Матѳ. 5, 3—12).

9. Никто увѣнчаннымъ не войдетъ въ небесный чертогъ, если не совершитъ перваго, втораго и третьяго отреченія. Первое есть отреченіе отъ всѣхъ вещей, и человѣковъ, и родителей; второе есть отреченіе своей воли; а третіе—отверженіе тщеславія, которое слѣдуетъ за послушаніемъ. *Изыдите отъ среды ихъ, и отлучитеся, и нечистотъ* міра *не прикасайтеся, глаголетъ Господь* (2 Кор. 6, 17). Ибо кто изъ мірянъ сотворилъ когда-нибудь чудеса? Кто воскресилъ мертвыхъ? Кто изгналъ бѣсовъ? Никто. Все это — побѣдныя почести иноковъ, и міръ не можетъ вмѣстить оныхъ; если же

*) Потому что не имѣли приличнаго труда и должнаго охраненія.

бы могъ, то къ чему было бы монашество и удаленіе изъ міра?

10. Когда бѣсы по отреченіи нашемъ начнутъ распалять наше сердце воспоминаніемъ объ родителяхъ и сродникахъ нашихъ; тогда вооружимся противъ нихъ молитвою, и воспламенимъ себя памятію о вѣчномъ огнѣ, чтобы воспоминаніемъ объ ономъ угасить безвременный огонь нашего сердца.

11. Если кто думаетъ, что не имѣетъ пристрастія къ какой-нибудь вещи, а лишившись ея, печалится сердцемъ, тотъ вполнѣ прельщаетъ самого себя.

12. Юные, расположенные къ плотской любви и чревоугожденію, если захотятъ вступить въ монашество, должны обучать себя въ немъ со всякимъ трезвеніемъ и вниманіемъ, и понуждать себя удаляться отъ всякаго наслажденія и лукавства, чтобы послѣднее не было для нихъ горше перваго. Сіе пристанище бываетъ причиною и спасенія, и бѣдъ; это знаютъ преплывающіе сіе мысленное море. Но жалкое зрѣлище, когда спасшіеся въ пучинѣ претерпѣваютъ потопленіе въ самомъ пристанищѣ.

Степень вторая. Текущій да бѣжитъ, подражая Лоту, а не женѣ его.

СЛОВО 3.

О странничествѣ, то есть, уклоненіи отъ міра.

1. Странничество есть невозвратное оставленіе всего, что́ въ отечествѣ сопротивляется намъ въ стремленіи къ благочестію. Странничество есть недерзновенный нравъ, невѣдомая премудрость, необъявляемое знаніе, утаеваемая жизнь, невидимое намѣреніе, необнаруживаемый помыслъ, хотѣніе уничиженія, желаніе тѣсноты, путь къ Божественному вождѣленію, обиліе любви, отреченіе отъ тщеславія, молчанія глубины.

2. Вначалѣ обыкновенно, какъ бы огнемъ божественнымъ, сильно и продолжительно безпокоитъ любителей

Господнихъ помыслъ объ удаленіи отъ своихъ, желаніемъ худости и тѣсноты побуждающій къ оному любителей таковаго добра. Но сколь великъ и достохваленъ сей подвигъ, столь великаго и разсужденія требуетъ; ибо не всякое странничество, предпринимаемое въ крайней степени, есть добро. *).

3. Если всякій пророкъ *безъ чести* въ своемъ отечествѣ, какъ сказалъ Господь; то должно остерегаться, чтобы уклоненіе отъ міра не было намъ поводомъ къ тщеславію. Ибо странничество есть отлученіе отъ всего, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сдѣлать мысль свою неразлучною съ Богомъ. Странникъ есть любитель и дѣлатель непрестаннаго плача. Странникъ есть тотъ, кто избѣгаетъ всякой привязанности, какъ къ роднымъ, такъ и къ чужимъ.

4. Поспѣшая къ жизни уединенной, или странничеству, не дожидайся міролюбивыхъ душъ; ибо тать приходитъ нечаянно. Многіе, покусившись спасать вмѣстѣ съ собою нерадивыхъ и лѣнивыхъ, и сами вмѣстѣ съ ними погибли, когда огонь ревности ихъ угасъ со временемъ. Ощутивши пламень, бѣги; ибо не знаешь, когда онъ угаснетъ, и оставитъ тебя во тьмѣ. О спасеніи другихъ не всѣ подлежимъ отвѣту; ибо божественный Апостолъ говоритъ: *тѣмже убо кійждо насъ*, братіе, *о себѣ слово дастъ Богу*. И опять: *научая инаго, себе ли не учиши?* (Рим. 2, 21). Какъ бы сказалъ: всѣ ли должны мы пещись о другихъ, не знаю; о самихъ же себѣ всячески должны мы заботиться.

5. Странничествуя, остерегайся праздно-скитающагося и сластолюбиваго бѣса; ибо странничество даетъ ему поводъ искушать насъ.

6. Хорошо безпристрастіе, а матерь его есть уклоненіе отъ міра. Устранившійся всего ради Господа не долженъ уже имѣть никакой связи съ міромъ, дабы не оказалось, что онъ скитается для удовлетворенія своимъ страстямъ.

*) Или потому, что предпринимается самонадѣянно и дерзновенно, или выше силъ и возможности.

7. Устранившись міра, не прикасайся къ нему болѣе: ибо страсти удобно опять возвращаются.

8. Ева невольно изгоняется изъ рая, монахъ же добровольно выходитъ изъ своего отечества; ибо та снова пожелала бы вкусить отъ древа преслушанія, а сей непремѣнно подвергся бы бѣдѣ отъ сродниковъ по плоти.

9. Тѣхъ мѣстъ, которыя подаютъ тебѣ случай къ паденію, убѣгай какъ бича; ибо когда мы не видимъ запрещеннаго плода, то не такъ сильно его и желаемъ.

10. Да не скроется отъ тебя и слѣдующая хитрость и лесть невидимыхъ враговъ: они совѣтуютъ намъ не отлучаться отъ мірскихъ, внушая, что мы получимъ великую награду, если, видя женскій полъ, будемъ себя удерживать. Но не должно имъ въ этомъ покоряться, а дѣлать противное ихъ внушенію.

11. Когда мы, на годъ или на нѣсколько лѣтъ удалившись отъ своихъ родныхъ, пріобрѣтемъ малое нѣкоторое благоговѣніе, или умиленіе, или воздержаніе, тогда суетные помыслы, приступивши, побуждаютъ насъ опять итти въ отечество, для назиданія, говорятъ, и примѣра и пользы многихъ, видѣвшихъ нѣкогда наши беззаконныя дѣла; а если мы еще богаты даромъ слова, и имѣемъ сколько нибудь духовнаго разума, тогда уже какъ спасителямъ душъ и учителямъ, совѣтуютъ они намъ возвратиться въ міръ, съ тѣмъ, чтобы мы благополучно собранное въ пристанищѣ бѣдственно расточили въ пучинѣ. Постараемся подражать Лоту, а не женѣ его; ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и сдѣлается неподвижною. Бѣги изъ Египта невозвратно; ибо сердца, обратившіяся къ нему, не увидѣли Іерусалима, т. е. земли безстрастія. Хотя тѣмъ, которые вначалѣ, ради младенчественности духовной, оставили своихъ и успѣли совершенно очиститься, и можно съ пользою возвратиться къ нимъ, въ томъ намѣреніи, чтобы, какъ сами спаслись, такъ спасти и нѣкоторыхъ изъ ближнихъ; впрочемъ Моисей Боговидѣцъ и Самимъ Богомъ

посланный на спасеніе единоплеменнаго рода, претерпѣлъ многія бѣды въ Египтѣ, т. е. помраченія въ мірѣ.

12. Лучше оскорбить родителей, нежели Господа, потому что Сей и создалъ, и спасъ насъ; а тѣ часто погубляли своихъ возлюбленныхъ, и подвергали ихъ вѣчной мукѣ.

13. Странникъ тотъ, кто вездѣ съ разумомъ пребываетъ, иноязычный среди иноязычнаго народа. Мы удаляемся отъ близкихъ нашихъ, или отъ мѣстъ, не по ненависти къ нимъ, (да не будетъ сего), но избѣгая вреда, который можемъ отъ нихъ получить. Какъ во всѣхъ благихъ дѣлахъ, такъ и въ семъ, учителемъ нашимъ есть Самъ Хрістосъ; ибо видимъ, что и Онъ многократно оставлялъ родителей по плоти, и когда нѣкоторые сказали: *мати Твоя и братія Твоя ищутъ Тебе* (Марк. 3, 32), благій нашъ Господь и учитель тотчасъ показалъ безстрастную ненависть къ нимъ, сказавши: *мати Моя и братія Моя* суть творящіе *волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 12, 49).

14. Да будетъ отцемъ твоимъ тотъ, кто можетъ и хочетъ потрудиться съ тобою для сверженія бремени твоихъ грѣховъ; а матерію—умиленіе, которое можетъ омыть тебя отъ скверны; братомъ — сотрудникъ и соревнитель въ стремленіи къ горнему; сожительницу неразлучную стяжи память смерти; любезными чадами твоими да будутъ сердечныя воздыханія; рабомъ да будетъ тебѣ тѣло твое, а друзей пріобрѣтай въ небесныхъ силахъ, которыя во время исхода души могутъ быть полезными для тебя, если будутъ твоими друзьями. *Сей* есть *родъ* (т. е. сродство) *ищущихъ Господа* (Пс. 23, 5).

15. Любовь Божія угашаетъ любовь къ родителямъ; а кто говоритъ, что онъ имѣетъ ту и другую, обманываетъ самъ себя, ибо сказано: *никто же можетъ двѣма господиномъ работати* (Матѳ. 6, 24), и проч. *Не пріидохъ*, говоритъ Господь, *миръ воврещи на землю* (Матѳ. 10, 34), т. е. миръ между родителями и ихъ сынами и братьями, желающими Мнѣ работать, *но* брань и *мечъ* чтобы боголюбивыхъ отлучить отъ міролюбивыхъ, вещественныхъ

отъ невещественныхъ, (плотскихъ отъ духовныхъ), славолюбивыхъ отъ смиренномудрыхъ; ибо Господь веселится о раздѣленіи и разлученіи, бывающемъ изъ любви къ Нему.

16. Берегись, берегись, чтобы за пристрастіе къ возлюбленнымъ тобою родственникамъ все у тебя не явилось какъ бы объятымъ водами, и чтобы ты не погибъ въ потопѣ міролюбія. Не склоняйся на слезы родителей и друзей; въ противномъ случаѣ будешь вѣчно плакать. Когда родственники окружатъ тебя, какъ пчелы, или лучше сказать, какъ осы, оплакивая тебя: тогда немедленно обрати душевныя очи твои на смерть и на дѣла (твои *), чтобы тебѣ можно было отразить одну скорбь другою. Сіи наши, или лучше не наши, лукаво обѣщаются сдѣлать для насъ все, что мы любимъ; намѣреніе же ихъ то, чтобы воспрепятствовать доброму нашему стремленію, а потомъ уже привлечь насъ къ своей цѣли.

17. Удаляясь отъ міра, мы должны избирать для жительства мѣста, лишенныя случаевъ къ утѣшенію и тщеславію, и смиренныя; если же не такъ, то мы дѣйствуемъ по страсти.

18. Утаевай благородство свое и не величайся своею знатностію, чтобы не оказался ты одинъ на словахъ, а другой на дѣлѣ.

19. Никто въ такой мѣрѣ не предавалъ себя странничеству, какъ тотъ Великій, который услышалъ: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего* (Бытія, 12, 1), и притомъ былъ призываемъ въ иноплеменную и варварскую землю.

20. Иногда Господь много прославляетъ того, кто сдѣлался странникомъ по примѣру сего Великаго; но хотя сія слава и отъ Бога дается, однако ее хорошо отвращать щитомъ смиренія.

21. Когда бѣсы, или и люди будутъ хвалить насъ за странничество, какъ за великій подвигъ, тогда

*) Въ греч. *τὰς πράξεις*. У Паисія Вилич. дѣянія. Въ Новгор пер. Аѳанасія Крит.: на судъ Божій.

помыслимъ о Томъ, Который ради насъ снисшелъ на землю въ видѣ странника; и найдемъ, что мы воздать за сіе во вѣки вѣковъ не можемъ.

22. Пристрастіе къ кому-нибудь изъ родственниковъ, или изъ постороннихъ, весьма вредно: оно можетъ мало-по-малу привлечь насъ къ міру, и совершенно погасить огонь нашего умиленія. Какъ невозможно однимъ глазомъ смотрѣть на небо, а другимъ на землю: такъ невозможно не подвергнуться душевнымъ бѣдствіямъ тому, кто мыслями и тѣломъ не устранился совершенно отъ всѣхъ своихъ родственниковъ и не-родственниковъ.

23. Добрый и благоустроенный нравъ пріобрѣтается многимъ трудомъ и подвигомъ; но можно въ одно мгновеніе потерять то, что было пріобрѣтено и многимъ подвигомъ. *Глятъ бо обычаи благи бесѣды злыя* (1 Кор. 15, 33), мірскія и непристойныя. Кто по отреченіи отъ міра обращается съ мірскими людьми, или близъ нихъ пребываетъ; тотъ, безъ сомнѣнія, или впадаетъ въ ихъ дѣла и сѣти, или осквернитъ сердце помышленіемъ о нихъ; или хотя не оскверняясь, но осуждая оскверняющихся, и самъ съ ними осквернится.

О СНОВИДѢНІЯХЪ, БЫВАЮЩИХЪ НОВОНАЧАЛЬНЫМЪ.

24. Нельзя скрыть того, что понятіе ума нашего весьма несовершенно и всячески исполнено невѣдѣнія; потому что гортань различаетъ снѣди, слухъ распознаетъ мысли; при взглядѣ на солнце оказывается немощь очей; а неразуміе души обнаруживаютъ слова. Но законъ любви понуждаетъ и на то простираться, что выше силы. И такъ я думаю (впрочемъ не утверждаю), что послѣ слова о странничествѣ и даже въ самомъ этомъ словѣ, должно сказать нѣсколько о сновидѣніяхъ, чтобы намъ знать и о семъ коварствѣ злохитрыхъ нашихъ враговъ.

25. Сновидѣніе есть движеніе ума при недвижности тѣла. Мечтаніе есть обманъ очей въ усыпленіи мысли.

Мечтаніе есть изступленіе ума при бодрствованіи тѣла. Мечтаніе есть видѣніе того чего нѣтъ.

26. Причина, по которой мы послѣ предшествовавшаго слова рѣшились говорить о сновидѣніяхъ, очевидна. Когда мы, ради Господа, оставивъ свои домы и родственниковъ, предаемъ себя отшельнической жизни изъ любви къ Богу: тогда бѣсы стараются возмущать насъ сновидѣніями, представляя намъ сродниковъ нашихъ или сѣтующихъ, или за насъ въ заключеніи держимыхъ и другія напасти терпящихъ. Посему кто вѣритъ снамъ, тотъ подобенъ человѣку, который бѣжитъ за своею тѣнью и старается схватить ее.

27. Бѣсы тщеславія — пророки въ снахъ; будучи пронырливы, они заключаютъ о будущемъ изъ обстоятельствъ и возвѣщаютъ намъ оное, чтобы мы, по исполненіи сихъ видѣній, удивились и, какъ будто уже близкіе къ дарованію прозрѣнія, вознеслись мыслію. Кто вѣритъ бѣсу, для тѣхъ онъ часто бываетъ пророкомъ; а кто презираетъ его, предъ тѣми всегда оказывается лжецомъ. Какъ духъ, онъ видитъ случающееся въ воздушномъ пространствѣ и, замѣтивъ напримѣръ, что кто нибудь умираетъ, онъ предсказываетъ это легковѣрнымъ чрезъ сновидѣніе. Бѣсы о будущемъ ничего не знаютъ по предвѣдѣнію; но извѣстно, что и врачи могутъ намъ предсказывать смерть.

28. Бѣсы многократно преобразуются въ ангеловъ свѣта и въ образъ мучениковъ, и представляютъ намъ въ сновидѣніи, будто мы къ нимъ приходимъ; а когда пробуждаемся, то исполняютъ насъ радостію и возношеніемъ. Сіе да будетъ тебѣ знакомъ прелести; ибо ангелы показываютъ намъ муки, страшный судъ и разлученія, а пробудившихся исполняютъ страха и сѣтованія. Если станемъ покоряться бѣсамъ въ сновидѣніяхъ, то и во время бодрствованія они будутъ ругаться надъ нами. Кто вѣритъ снамъ, тотъ вовсе не искусенъ; а кто не имѣетъ къ нимъ ни какой вѣры, тотъ любомудръ. И такъ, вѣрь только тѣмъ сновидѣніямъ, которыя возвѣщаютъ тебѣ муку и судъ; а

если приводятъ тебя въ отчаяніе, то и они отъ бѣсовъ.

Сія третья степень, равночисленная святой Троицѣ. Вступившій на нее да не озирается *ни на десно ни на лѣво* (Втор. 5, 32).

СЛОВО 4.

О блаженномъ и приснопамятномъ послушаніи.

1. По порядку слова прилично намъ предложить теперь о подвижникахъ и страдальцахъ Христовыхъ: ибо какъ всякій плодъ предваряется цвѣтомъ, такъ всякому послушанію предшествуетъ уклоненіе отъ міра, тѣломъ или волею. Двумя сими добродѣтелями (т. е. уклоненіемъ отъ міра и отверженіемъ своей воли) преподобное послушаніе, какъ златыми крылами, безлѣностно восходитъ на небо: и, можетъ быть, о сихъ-то крылахъ нѣкоторый духоносецъ воспѣлъ: *кто дастъ ми крилъ яко голубинѣ, и полещу* дѣяніемъ, *и почію* (Пс. 54, 7) въ видѣніи и смиреніи.

2. Не преминемъ, если угодно, изъяснить въ этомъ словѣ и самый образъ воинствованія сихъ мужественныхъ ратниковъ: какъ они держатъ щитъ вѣры къ Богу и къ своему наставнику, отвращая имъ, такъ сказать, всякій помыслъ невѣрія и перехожденіе (въ другое мѣсто); и всегда вознося мечъ духовный, убиваютъ имъ всякую собственную волю, приближающуюся къ нимъ, и будучи одѣты въ желѣзную броню кротости и терпѣнія, отражаютъ ею всякое оскорбленіе, уязвленіе и всякія стрѣлы; имѣютъ они и шлемъ спасенія, — молитвенный покровъ своего наставника; ногами же своими не стоятъ совокупленно, но одну простираютъ на служеніе, а другую имѣютъ неподвижно на молитвѣ.

3. Послушаніе есть совершенное отреченіе отъ своей души, дѣйствіями тѣлесными показуемое; или наоборотъ, послушаніе есть умерщвленіе членовъ тѣлесныхъ

при живомъ умѣ. Послушаніе есть дѣйствіе безъ испытанія, добровольная смерть, жизнь чуждая любопытства, безпечаліе въ бѣдахъ, неуготовляемое предъ Богомъ оправданіе, безстрашіе смерти, безбѣдное плаваніе, путешествіе спящихъ. Послушаніе есть гробъ собственной воли и воскресеніе смиренія.. Послушный, какъ мертвый, не противорѣчитъ и не разсуждаетъ, ни въ добромъ, ни во мнимо-худомъ; ибо за все долженъ отвѣчать тотъ, кто благочестиво умертвилъ душу его *). Послушаніе есть отложеніе разсужденія и при богатствѣ разсужденія.

4. Начало умерщвленія, и душевной воли и членовъ тѣла, бываетъ прискорбно; средина иногда бываетъ съ прискорбіемъ, иногда безъ прискорбія; а конецъ уже безъ всякаго ощущенія и возбужденія скорби. Тогда въ скорби и болѣзни сердечной бываетъ сей блаженный и живой мертвецъ, когда увидитъ, что исполняетъ свою волю; ибо страшитъ его бремя собственнаго осужденія.

5. О вы, которые рѣшились вступить на поприще сего мысленнаго исповѣдничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселѣ желаете сложить бремя свое на выю другаго; которые стремитесь добровольно продать себя въ рабство, чтобы въ замѣну онаго получить истинную свободу; вы, которые преплываете великую сію пучину, будучи поддерживаемы руками другихъ: знайте, что вы покусились итти путемъ краткимъ, хотя и жестокимъ, на которомъ одна только есть стезя, вводящая въ заблужденіе: она называется самочиніемъ. Кто совершенно отвергся самочинія и въ томъ, что онъ почитаетъ добрымъ, духовнымъ и богоугоднымъ, тотъ уже достигъ цѣли, прежде нежели вступилъ въ подвигъ; потому что послушаніе есть невѣрованіе себѣ самому во всемъ добромъ, даже до конца жизни своей.

6. Когда мы, въ намѣреніи и разумѣ смиренномудрія, желаемъ покорить себя ради Господа, и безъ сомнѣнія

*) Т. е. отецъ, чрезъ послушаніе умертвившій въ немъ страстную волю.

ввѣрить спасеніе наше иному: то, еще прежде вступленія нашего на сей путь, если мы имѣемъ сколько нибудь проницательности и разсужденія, должны разсматривать, испытывать и, такъ сказать, искусить сего кормчаго, чтобы не попасть намъ вмѣсто кормчаго на простаго гребца, вмѣсто врача на больнаго, вмѣсто безстрастнаго на человѣка, обладаемаго страстьми, вмѣсто пристани въ пучину, и такимъ образомъ не найти готовой погибели. Но по вступленіи на поприще благочестія и повиновенія уже отнюдь не должны мы испытывать или судить въ чемъ-нибудь добраго нашего наставника и судію, хотя, можетъ быть, въ немъ, какъ въ человѣкѣ, и увидимъ нѣкоторыя малыя согрѣшенія. Если же не такъ, то сдѣлавшись сами судіями, не получимъ никакой пользы отъ повиновенія.

7. Желающимъ соблюдать всегда несомнѣнную вѣру къ наставникамъ необходимо нужно незабвенно и неизгладимо хранить въ сердцѣ своемъ ихъ добродѣтели, съ тѣмъ, чтобы воспоминаніемъ объ оныхъ заградить уста бѣсамъ, когда они станутъ въ насъ всѣвать къ нимъ невѣріе: ибо сколько вѣра цвѣтетъ въ сердцѣ, столько и тѣло успѣваетъ въ служеніи; а кто преткнулся о камень невѣрія, тотъ уже палъ; ибо всячески, *еже не отъ вѣры, грѣхъ есть* (Рим. 14, 23). Когда помыслъ склоняетъ тебя испытать или осудить твоего наставника, какъ отъ блуда отскочи отъ онаго; не давай сему змію никакого послабленія, ни мѣста, ни входа, ни приступа; но говори ему: „о прелестникъ! не я надъ наставникомъ, а онъ надо мною получилъ судъ; не я его, а онъ мой судья.“

8. Отцы псалмопѣніе называютъ оружіемъ, молитву стѣною, непорочныя слезы умывальницею, а блаженное послушаніе назвали исповѣдничествомъ, безъ котораго никто изъ страстныхъ не узритъ Господа.

9. Послушникъ самъ на себя произноситъ судъ; потому что, если онъ совершенно повинуется ради Господа, то хотя онъ и не думаетъ, что совершенно послушенъ, но отъ суда своего (т. е. обличеній совѣсти)

освобождается; если же онъ въ чемъ нибудь исполняетъ свою волю, то хотя ему и будетъ казаться, что онъ повинуется, однако самъ несетъ свое бремя *). Впрочемъ хорошо бы было, еслибы наставникъ не переставалъ обличать его; если же онъ умолкнетъ, то не знаю уже, что и сказать объ этомъ. Въ простотѣ повинующіеся ради Господа благополучно совершаютъ путь свой, не навлекая на себя коварства бѣсовъ своими тонкими изслѣдованіями.

10. Прежде всего исповѣдуемъ доброму судіи нашему согрѣшенія наши наединѣ; если же повелитъ, то и при всѣхъ; ибо язвы объявляемыя не преуспѣваютъ на горшее, но исцѣлѣютъ.

О РАЗБОЙНИКѢ ПОКАЯВШЕМСЯ.

11. Пришедши въ нѣкоторое общежитіе, видѣлъ я страшное судилище добраго судіи и пастыря. Въ мою бытность тамъ случилось, что одинъ разбойникъ пришелъ, изъявляя желаніе вступить въ монашество. Превосходный пастырь оный и врачъ велѣлъ ему семь дней пользоваться совершеннымъ покоемъ, и только разсматривать устроеніе обители. По прошествіи седьмаго дня, пастырь призываетъ его и спрашиваетъ наединѣ: желаетъ ли онъ остаться съ ними жить? И увидѣвъ, что онъ со всею искренностію согласился, опять спрашиваетъ его, что онъ сдѣлалъ худаго, живя въ мірѣ? Разбойникъ, немедленно и со всѣмъ усердіемъ, исповѣдалъ ему всѣ грѣхи свои. Тогда пастырь, искушая его, сказалъ: „хочу, чтобы ты объявилъ все это передъ всѣмъ братствомъ.“ Онъ же, истинно возненавидѣвши грѣхъ свой, и презрѣвши весь стыдъ, не колеблясь обѣщался исполнить сіе, говоря: „если хочешь, то сдѣлаю это даже посреди Александріи.“ Тогда пастырь собралъ въ церковь всѣхъ своихъ овецъ, которыхъ

*) По другому переводу: почувствуетъ обремененіе совѣсти. Т. е. не можетъ имѣть того спокойствія духа, какимъ пользуются истинно повинующіеся.

было триста тридцать, и во время совершенія Божественной литургіи, (ибо день былъ воскресный), по прочтеніи Евангелія, повелѣлъ ввести сего непорочнаго осужденника. Нѣкоторые изъ братіи влекли его и слегка ударяли; руки были у него связаны назади; онъ былъ одѣтъ въ волосяное вретище, и голова его была посыпана пепломъ, такъ что отъ одного этого зрѣлища всѣ ужаснулись и воскликнули съ плачемъ; ибо никто не зналъ, что все это значитъ. Потомъ когда онъ былъ близь святыхъ дверей, священный оный и человѣколюбивый судія воззвалъ къ нему громкимъ голосомъ: „остановись, ибо ты недостоинъ войти сюда.“ Пораженный исшедшимъ къ нему изъ алтаря гласомъ пастыря (ибо, какъ онъ послѣ съ клятвою увѣрялъ насъ, ему казалось, что онъ слышитъ громъ, а не голосъ человѣческій), разбойникъ палъ на землю, трепеща и весь потрясенъ бывъ страхомъ. Когда онъ, такимъ образомъ повергшись на землю, омочилъ помостъ слезами; тогда сей чудный врачъ, который всѣми мѣрами устроивалъ его спасеніе и всѣмъ подавалъ образъ спасенія и дѣйствительнаго смиренія, повелѣлъ ему объявлять предъ всѣми, подробно, всѣ сдѣланныя имъ беззаконія; и онъ съ трепетомъ исповѣдалъ одинъ за другимъ всѣ возмутительные для слуха грѣхи свои, не только плотскіе, по естеству и противъ естества сдѣланные съ людьми и съ животными, но и чародѣянія, и убійства, и другія злодѣянія, которыя не слѣдуетъ ии слышать, ни придавать писанію. Тотчасъ послѣ сей исповѣди пастырь повелѣлъ его постричь и причислитъ къ братіи.

12. Удивляясь премудрости сего преподобнаго, я спросилъ его наединѣ, для чего онъ употребилъ столь странный образъ покаянія? По двумъ причинамъ, отвѣчалъ сей истинный врачъ: во первыхъ для того, чтобы исповѣдавшагося настоящимъ посрамленіемъ избавить отъ будущаго; что и сбылось, ибо онъ, брате Іоанне, не прежде всталъ съ помоста, какъ получивши прощеніе всѣхъ согрѣшеній. И не сомнѣвайся въ этомъ; ибо одинъ

изъ братій, присутствовавшихъ при семъ, увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ нѣкотораго страшнаго мужа, державшаго писанную бумагу и трость; и какъ только лежащій выговаривалъ какой-нибудь грѣхъ свой, то онъ тростію своею изглаждалъ его. Да и справедливо; ибо Давидъ говоритъ: *рѣхъ, исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. 31, 5). Во вторыхъ, какъ въ числѣ братій моихъ есть и такіе, которые имѣютъ согрѣшенія неисповѣданныя: то я хотѣлъ симъ примѣромъ побудить ихъ къ исповѣданію, безъ котораго никто не можетъ получить прощенія.

13. Видѣлъ я и другое многое достойное удивленія и памяти у достославнаго онаго пастыря и въ паствѣ его; и большую часть изъ этого постараюсь вамъ сообщить; ибо я не малое время находился у нихъ, разсматривая ихъ образъ жизни, и весьма удивлялся, видя, какъ сіи жители земли подражали небожителямъ.

14. Они были связаны другъ съ другомъ неразрывнымъ союзомъ любви; и что еще удивительнѣе, при такой любви, они были чужды всякой вольности и празднословія; прежде же всего обучались тому, чтобы не уязвить чѣмъ-нибудь совѣсти брата. Если же въ комъ обнаруживалась ненависть къ брату; то пастырь отсылалъ такого, какъ преступника, въ особенный монастырь. Нѣкогда одинъ братъ оклеветалъ предъ нимъ ближняго: сей преподобный тотчасъ повелѣлъ его выгнать, говоря, что не должно допускать быть въ обители двумъ діаволамъ, т. е. видимому и невидимому.

15. Видѣлъ я у сихъ преподобныхъ отцевъ дѣла поистинѣ полезныя и удивительныя: братство собранное и связанное о Господѣ, имѣвшее чудное дѣяніе и видѣніе; ибо они такъ упражняли сами себя и обучали божественнымъ добродѣтелямъ, что почти не имѣли нужды въ напоминаніи настоятеля, но добровольно возбуждали другъ друга къ божественной бдительности. У нихъ были установлены и навыкомъ утверждены нѣкоторые преподобные и божественные обычаи. Напримѣръ, если случалось, что кто-нибудь изъ нихъ, въ

отсутствіи предстоятеля, начиналъ укорять или осуждать кого нибудь, или вообще празднословить: то другой братъ непримѣтнымъ мановеніемъ напоминалъ ему о безчиніи и удерживалъ его; если же тотъ не вразумлялся тогда напоминавшій, сдѣлавъ поклонъ, удалялся. Когда нужно было бесѣдовать, то память смерти и помышленіе о вѣчномъ судѣ были всегдашними предметами ихъ разговоровъ.

16. Не премину сказать вамъ о преславнѣйшей добродѣтели тамошняго повара. Видя, что онъ, въ своемъ служеніи, имѣетъ непрестанное умиленіе и слезы, я просилъ его открыть мнѣ, какимъ образомъ онъ сподобился сей благодати? Будучи убѣжденъ моею просьбою, онъ отвѣчалъ: „я никогда не помышлялъ, что служу людямъ, но Богу; я счелъ себя недостойнымъ никакого безмолвія и, смотря на огонь сей, непрестанно вспоминаю о вѣчномъ пламени.“

17. Послушаемъ и о другой преславной добродѣтели тамошнихъ отцевъ. Блаженные сіи и во время трапезы не прекращали умнаго дѣланія; но нѣкоторыми, обычными у нихъ, тайными знаками, напоминали другъ-другу о внутренней молитвѣ; и дѣлали это не только на трапезѣ, но и при всякой встрѣчѣ другъ съ другомъ, и при всякомъ собраніи.

18. Если же кому-нибудь изъ нихъ случалось пасть въ какой-нибудь проступокъ, то братія убѣдительно просили его сложить на нихъ все попеченіе по сему случаю, и отвѣтъ предъ пастыремъ, и наказаніе. Посему и великій сей мужъ, зная объ этомъ дѣланіи своихъ учениковъ, назначалъ уже легчайшія наказанія, будучи увѣренъ, что наказываемый не виноватъ; даже онъ и не изыскивалъ, кто изъ нихъ подлинно впалъ въ проступокъ.

19. Какъ могло имѣть у нихъ мѣсто празднословіе или кощунство? Если кто-нибудь изъ нихъ начиналъ распрю съ ближнимъ, то другой братъ, тутъ случившійся, дѣлалъ поклонъ, и тѣмъ укрощалъ ихъ гнѣвъ. Когда же замѣчалъ въ нихъ памятозлобіе, то объявлялъ о

раздорѣ второму по настоятелѣ; и тотъ приводилъ ихъ къ примиренію прежде захожденія солнца. А если они упорствовали въ ожесточеніи, то имъ или запрещалось вкушать пищу до примиренія, или они были изгоняемы изъ обители.

20. Сія достохвальная предосторожность наблюдалась у нихъ не напрасно, но приносила и оказывала обильный плодъ; ибо многіе между сими преподобными просіяли какъ дѣятельною жизнію, такъ и разсмотрительностію, разсужденіемъ и смиренномудріемъ. У нихъ можно было видѣть чудное и ангелоподобное зрѣлище: украшенные сѣдинами и священнолѣпные старцы, какъ дѣти, притекали къ послушанію, и имѣли величайшею похвалою—свое смиреніе. Тамъ видѣлъ я мужей, пребывавшихъ въ послушаніи лѣтъ по пятидесяти, которыхъ я просилъ сказать мнѣ, какое утѣшеніе получили они отъ такого труда? Одни изъ нихъ говорили, что низошли въ бездну смиренномудрія, которымъ на вѣкъ всякую брань отразили; а другіе сказывали, что достигли совершеннаго неощущенія и безболѣзненности въ укоризнахъ и досадахъ.

21. Видѣлъ я и другихъ, между сими приснопамятными, украшенныхъ бѣлизною ангеловидною, которые пришли въ состояніе глубочайшаго незлобія и простоты упремудренной, произвольной и Богоисправленной. Ибо какъ лукавый человѣкъ есть нѣчто двойственное, одинъ по наружности, а другой по сердечному расположенію; такъ простой—не двойственень, но есть нѣчто единое. Простота же оныхъ отцевъ была не безразсудная и несмысленная, по примѣру старыхъ людей въ мірѣ, которыхъ называютъ выжившими изъ ума. По наружности они всегда были кротки, привѣтливы, веселы; и слова и нравъ ихъ были непритворны, непринужденны и искренни, что не во многихъ можно найти; внутри же, въ душѣ, они, какъ незлобивые младенцы, дышали Богомъ и наставникомъ своимъ, и на бѣсовъ и на страсти взирали твердымъ и строгимъ окомъ ума.

22. Времени жизни моей не достанетъ мнѣ, о священный пастырь и боголюбивое собраніе, на описаніе добродѣтелей и небоподражательнаго житія сихъ блаженныхъ отцевъ. Однако слово наше къ вамъ лучше украсить повѣствованіемъ о ихъ подвигахъ, и тѣмъ возбудить васъ къ Богоугодной ревности, нежели наполнять оное собственными моими наставленіями; ибо безъ всякаго прекословія худшее украшается лучшимъ. Только не думайте, прошу васъ, чтобы мы написали здѣсь что-нибудь вымышленное; ибо отъ невѣрія обыкновенно всякая польза теряется. Но возвратимся къ продолженію нашего слова.

ОБЪ ИСИДОРѢ.

23. Нѣкоторый мужъ, по имени Исидоръ, изъ князей города Александріи, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ отрекшись міра, удалился въ сію обитель. Всепреподобный пастырь оный, принявъ его, замѣтилъ, что онъ весьма коваренъ, суровъ, золъ и гордъ; посему премудрѣйшій сей отецъ покушается человѣческимъ вымысломъ преодолѣть бѣсовское коварство, и говоритъ Исидору: „если ты истинно рѣшился взять на себя иго Христово, то хочу, чтобы ты прежде всего обучался послушанію.“ Исидоръ отвѣчалъ ему: „какъ желѣзо кузнецу, предаю себя тебѣ, святѣйшій отче, въ повиновеніе.“ Тогда великій отецъ, утѣшенный симъ уподобленіемъ, немедленно назначаетъ обучительный подвигъ сему желѣзному Исидору *), и говоритъ: „хочу, чтобы ты, истинный братъ, стоялъ у воротъ обители и всякому входящему и исходящему человѣку кланялся до земли, говоря: помолись обо мнѣ, отче, я одержимъ злымъ духомъ.“ Исидоръ такъ послушался своего отца, какъ Ангелъ Господа. Когда же провелъ семь лѣтъ въ этомъ подвигѣ, и пришелъ въ глубочайшее смиреніе и

*) По греч. желѣзо *σίδηρος*: такъ что здѣсь выходитъ созвучіе словъ, въ переводѣ непередаваемое: *τῷ σιδηρῷ Ἰσιδώρῳ*.

умиленіе; тогда приснопамятный отецъ, послѣ семилѣтняго законнаго искуса и безпримѣрнаго Исидорова терпѣнія, пожелалъ его, какъ достойнѣйшаго, причислить къ братіи и сподобить рукоположенія. Но онъ много умолялъ пастыря, какъ чрезъ другихъ, такъ и чрезъ меня, немощнаго, чтобы ему позволили тамъ же и тѣмъ же образомъ оканчивать подвигъ, неясно намекая сими словами на то, что кончина его приближается, и что Господь призываетъ его къ Себѣ; что и сбылось. Ибо когда учитель оный оставилъ его въ томъ же состояніи, онъ, по прошествіи десяти дней, чрезъ безславіе свое со славою отошелъ ко Господу; а въ седьмый день послѣ успенія своего взялъ ко Господу и привратника оной обители. Блаженный говорилъ ему при жизни: „если я получу дерзновеніе ко Господу, то ты вскорѣ и тамъ неразлученъ со мною будешь.“ Такъ и случилось, въ достовѣрнѣйшее доказательство непостыднаго его послушанія и Богоподражательнаго смиренія.

24. Спросилъ я великаго сего Исидора, когда онъ еще былъ въ живыхъ: какое, во время пребыванія его у воротъ, умъ его имѣлъ дѣланіе? Достопамятный сей, желая оказать мнѣ пользу, не скрылъ отъ меня этого. „Вначалѣ, говорилъ онъ, я помышлялъ, что продалъ самъ себя въ рабство за грѣхи мои; и потому со всякою горестію, самонасиліемъ и кровавымъ понужденіемъ дѣлалъ поклоны. По прошествіи же года сердце мое уже не ощущало скорби, ожидая отъ самого Господа награды за терпѣніе. Когда минулъ еще одинъ годъ, я уже въ чувствѣ сердца сталъ считать себя недостойнымъ и пребыванія въ обители, и видѣнія отцевъ, и зрѣнія на лица ихъ, и причащенія Св. Таинъ; и поникши очами долу, а мыслію еще ниже, уже искренно просилъ входящихъ и исходящихъ помолиться обо мнѣ.“

О ЛАВРЕНТІИ.

25. Когда я однажды сидѣлъ за трапезою съ великимъ симъ настоятелемъ, онъ приклонилъ святыя уста свои къ моему уху, и сказалъ: „хочешь ли, я покажу

тебѣ, въ глубочайшей сѣдинѣ Божественное мудрованіе!“ Я просилъ его объ этомъ, и преподобный отецъ позвалъ отъ второй трапезы инока, по имени Лаврентія, который около сорока осми лѣтъ жилъ въ той обители, и былъ вторымъ соборнымъ пресвитеромъ. Онъ пришелъ и, поклонившись игумену до земли, принялъ отъ него благословеніе. Но когда всталъ, то игуменъ ничего не сказалъ ему, а оставилъ его стоять передъ трапезою не ѣвши; обѣдъ же только начинался. Такъ онъ стоялъ съ часъ, или два; и мнѣ стало уже стыдно взглянуть на лицо сего дѣлателя; ибо онъ былъ совершенно сѣдой, имѣя уже осьмидесятый годъ отъ роду. Онъ стоялъ такимъ образомъ, безъ привѣта и отвѣта, пока обѣдъ не кончился; а когда встали, то преподобный послалъ его къ вышеупомянутому великому Исидору сказать ему начало тридцать девятаго псалма *).

26. Я же, какъ лукавѣйшій, не упустилъ случая испытать сего старца, и спросилъ его, о чемъ онъ помышлялъ, стоя передъ трапезою. Онъ отвѣчалъ: „представляя себѣ пастыря во образѣ Христа, я никогда не помышлялъ, что получаю повелѣнія отъ него, но отъ Бога; посему и стоялъ я, отче Іоанне, не какъ передъ трапезою человѣческою, но какъ передъ жертвенникомъ Божіимъ, и молился Богу; и по вѣрѣ и любви моей къ пастырю я не имѣлъ противъ него никакого лукаваго помышленія. Ибо нѣкто сказалъ: любы не мыслитъ зла. Впрочемъ и то знай, отче, что если кто предалъ себя простотѣ и добровольному незлобію, въ томъ лукавый уже не находитъ себѣ мѣста ни на мгновеніе.

ОБЪ ЭКОНОМѢ.

27. Каковъ былъ, помощію Божіею, тотъ пастырь словесныхъ овецъ, такого и эконома послалъ ему въ обитель праведный Господь; ибо онъ былъ цѣломудръ, какъ никто другой, и кротокъ, какъ весьма немногіе.

*) Терпя потерпѣхъ Господа и внятъ ми, и услыша молитву мою. (Пс. 39, 1).

Однажды великій старецъ, для пользы прочихъ, притворно на него разгнѣвался, и приказалъ выслать его изъ церкви прежде времени. Зная, что онъ невиненъ въ томъ, въ чемъ пастырь обличалъ его, я, будучи наединѣ съ симъ великимъ, оправдывалъ передъ нимъ эконома. Но премудрый мужъ отвѣчалъ мнѣ: „и я знаю, отче, что онъ не виноватъ; но какъ несправедливо и жалко было-бы вырвать хлѣбъ изъ устъ голоднаго младенца, такъ и наставникъ душъ дѣлаетъ вредъ и себѣ и подвижнику, если не подаетъ ему случаевъ къ пріобрѣтенію вѣнцовъ, какіе онъ, по его примѣчанію, можетъ на всякій часъ заслуживать перенесеніемъ досадъ, безчестій, уничиженій и поруганій. Отъ этого происходитъ троякій и весьма важный вредъ: во первыхъ, что самъ настоятель лишается награды, которую получилъ бы за благонамѣренные выговоры и наказанія; во вторыхъ, что могъ бы добродѣтелію одного доставить пользу другимъ, но этого не сдѣлалъ; третій же и самый тяжкій вредъ состоитъ въ томъ, что часто и сіи самые, кажущіеся мужественными и терпѣливыми, бывши оставлены на время, и какъ утвердившіеся въ добродѣтели, не получая уже отъ настоятеля ни обличеній, ни поношеній, лишаются снисканной кротости и терпѣнія. Ибо хотя земля сія и добра, и тучна, и плодоносна, но при недостаткѣ воды безчестія, она дичаетъ и производитъ терніе киченія, блуда и безстрашія. Зная сіе, великій Апостолъ писалъ къ Тимоѳею: *настой, обличи, запрети имъ благовременнѣ и безвременнѣ* (2 Тим. 4, 2).

28. Когда же я противорѣчилъ, представляя истинному оному наставнику немощь рода нашего, и то, что, можетъ быть, многіе по причинѣ напраснаго, или и ненапраснаго взысканія могутъ отторгнуться отъ паствы: тогда сей, исполненный премудрости, мужъ сказалъ: „душа, привязавшаяся ради Христа любовію и вѣрою къ пастырю, не отступаетъ отъ него даже до крови; особенно же, если она получила черезъ него исцѣленіе своихъ язвъ, памятуя сказавшаго: *ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни ина тварь кая возможетъ насъ*

разлучити отъ любве Христовой (Рим. 8, 38). Если же душа не привязалась такимъ образомъ, не утвердилась, не прилѣпилась: то удивляюсь, если таковой человѣкъ не тщетно пребываетъ на семъ мѣстѣ, будучи соединенъ съ пастыремъ притворнымъ и ложнымъ повиновеніемъ." И дѣйствительно, сей великій мужъ не обманулся въ своемъ мнѣніи, но и удержалъ овецъ въ своей паствѣ, и наставилъ, и привелъ къ совершенству, и принесъ Христу, какъ непорочныя жертвы.

ОБЪ АВВАКИРѢ.

29. Послушаемъ еще и подивимся премудрости Божіей, обрѣтающейся въ скудельныхъ сосудахъ. Находясь въ той же обители, я удивлялся вѣрѣ и терпѣнію нѣкоторыхъ новоначальныхъ, и тому, какъ они съ неутомимою твердостію переносили отъ настоятеля выговоры и укоризны, а иногда и отгнанія, и терпѣли это не только отъ настоятеля, но и отъ другихъ меньшихъ. Для душевнаго назиданія спросилъ я одного изъ братій, уже пятнадцать лѣтъ жившаго въ той обители, по имени Аввакира, котораго, какъ я видѣлъ, почти всѣ обижали; а служители едва не каждый день выгоняли изъ трапезы, потому что сей братъ отъ природы былъ нѣсколько невоздержанъ на языкъ. „Братъ Аввакиръ," сказалъ я ему, „за что тебя всякій день выгоняютъ изъ трапезы, и я часто вижу, что ты идешь спать безъ ужина?" Онъ отвѣчалъ: „повѣрь, отче, сіи отцы мои искушаютъ меня, точно ли я монахъ? И какъ они дѣлаютъ сіе не вправду: то и я, зная намѣреніе ихъ и великаго отца, терплю все, безъ отягощенія; и вотъ уже пятнадцать лѣтъ живу, имѣя сію мысль; какъ и сами они, при вступленіи моемъ въ обитель, говорили, что до тридцати лѣтъ искушаютъ отрицающихся отъ міра. И справедливо, отче Іоанне, ибо неискушенное золото не бываетъ чисто".

30. Сей доблественный Аввакиръ, пребывъ въ томъ монастырѣ, по моемъ пришествіи туда, два года, отошелъ ко Господу; и когда былъ при смерти, сказалъ

отцамъ: „благодарю, благодарю Господа и васъ; ибо за то, что вы меня, на спасеніе мое, искушали, я семнад цать лѣтъ былъ свободенъ отъ искушеній бѣсовскихъ“ Правосудный пастырь повелѣлъ положить его, как исповѣдника, по справедливости со святыми, почиваю щими въ томъ мѣстѣ.

ОБЪ АРХИДІАКОНѢ МАКЕДОНІИ.

31. Обижу я всѣхъ ревнителей добра, если погребу во гробѣ молчанія добродѣтель *) и подвигъ Македо нія, перваго изъ тамошнихъ діаконовъ. Сей, усердно работавшій Господу мужъ, однажды, когда приближался праздникъ св. Богоявленія, за два дня до него испро силъ у пастыря позволеніе сходить въ Александрію, по нѣкоторой своей надобности, обѣщаясь скоро возвра титься изъ города, по случаю наступающаго праздника и приготовленій къ оному. Но діаволъ, ненавидящій доброе, воспрепятствовалъ сему архидіакону, и онъ от пущенный не поспѣлъ въ обитель къ святому праздник въ назначенный срокъ, а пришелъ на другой день. Пас тырь отлучилъ его за это отъ священнослуженія, и низводитъ въ чинъ послѣднихъ между новоначальными Но сей добрый діаконъ терпѣнія и архидіаконъ твер дости такъ безпечально принялъ сіе опредѣленіе отца своего, какъ бы не онъ, но другой кто нибудь подверг ся запрещенію. Когда же онъ сорокъ дней провелъ въ семъ состояніи, премудрый пастырь опять возвелъ его на степень діаконства; но по прошествіи одного дня Македоній умолялъ авву оставить его въ запрещеніи и прежнемъ безчестіи, говоря, что онъ сдѣлалъ въ городѣ непростительный грѣхъ. Преподобный зналъ, что архи діаконъ говоритъ неправду, и ищетъ сего только ради смиренія, но уступилъ доброму желанію сего подвиж ника. Удивительное было тогда зрѣлище! Старецъ, по чтенный сѣдиною, пребывалъ въ чинѣ новоначальныхъ

*) Въ слав. исправленіе: т. е. успѣхъ и твердость добродѣтели.

и усердно просилъ всѣхъ, чтобы объ немъ помолились; ибо я, говорилъ онъ, впалъ въ блудъ преслушанія. Мнѣ же смиренному сей великій Македоній сказалъ за тайну, почему онъ добровольно прибѣгнулъ къ пребыванію въ такомъ уничиженіи. „Никогда, говорилъ онъ, не чувствовалъ я въ себѣ такого облегченія отъ всякой внутренней брани, и такой сладости Божественнаго свѣта, какъ теперь. Ангеламъ, продолжалъ онъ, свойственно не падать, и даже, какъ нѣкоторые говорятъ, совсѣмъ невозможно пасть; людямъ же свойственно падать, и скоро возставать отъ паденія, сколько бы разъ это ни случилось; а только бѣсамъ свойственно, падши, никогда не возставать.“

32. Экономъ оной обители открылъ мнѣ о себѣ слѣдующее: „Когда я былъ еще молодъ, говорилъ онъ, и ходилъ за скотомъ, я палъ однажды весьма тяжкимъ душевнымъ паденіемъ. Но какъ я привыкъ никогда не таить змія въ нѣдрѣ сердца, то и сего змія, схвативъ за хвостъ (подъ чѣмъ разумѣю я конецъ или оставленіе дѣла), показалъ врачу; онъ же съ веселымъ лицемъ, тихо ударивъ меня по щекѣ, сказалъ: „поди, чадо, продолжай, какъ прежде службу твою, и отнюдь ничего не бойся.“ Принявъ сіе съ горячею вѣрою, я, по прошествіи немногихъ дней, удостовѣрился о моемъ исцѣленіи; и радуяся, а вмѣстѣ и трепеща, продолжалъ путь свой“.

33. Во всякомъ родѣ сотворенныхъ существъ, какъ говорятъ нѣкоторые, есть многія различія: такъ и въ томъ соборѣ братій были различія преуспѣяній и произволеній. Посему оный врачъ, когда примѣчалъ, что нѣкоторые изъ братій любили выказывать себя во время пришествія мірскихъ людей въ обитель, то въ присутствіи тѣхъ же мірскихъ осыпалъ ихъ крайними досадами, и отсылалъ въ безчестнѣйшія службы, такъ что послѣ они сами поспѣшно убѣгали, какъ только видѣли мірянъ приходящихъ въ обитель. Удивительное тогда представлялось зрѣлище: тщеславіе гнало само себя и скрывалось отъ людей.

О ПРЕПОДОБНОМЪ МИНѢ.

34. Господь, не хотя лишить меня молитвы одного преподобнаго отца въ той же обители, за недѣлю до моего удаленія изъ того святаго мѣста, взялъ его къ себѣ. Это былъ чудный мужъ, по имени Мина, вторый правитель послѣ настоятеля, пятьдесятъ девять лѣтъ пребывавшій въ томъ общежитіи и прошедшій всѣ послушанія. Въ третій день по кончинѣ его, когда мы совершали обычное молитвословіе о упокоеніи сего преподобнаго, внезапно наполнилось благоуханіемъ все то мѣсто, гдѣ лежалъ преподобный. Тогда великій отецъ повелѣлъ намъ открыть раку, въ которой положено было честное его тѣло; мы исполнили повелѣнное и увидѣли всѣ, что изъ честныхъ стопъ его, какъ два источника истекаетъ благовонное мvро. Тогда учитель оный сказалъ ко всѣмъ: „видите ли, вотъ болѣзни ногъ и поты трудовъ его принесли Богу мvро. И справедливо!“ Отцы же того мѣста, кромѣ многихъ другихъ добродѣтелей *) сего преп. Мины, разсказывали и слѣдующее. Однажды настоятель захотѣлъ искусить Богодарованное его терпѣніе, и когда онъ пришелъ въ игуменскую келлію и, положивъ вечерній поклонъ передъ игуменомъ, по обыкновенію, просилъ дать преданіе **): то игуменъ оставилъ его лежать такимъ образомъ на землѣ даже до времени утренняго правила, и тогда уже благословивъ его, а вмѣстѣ и укоривъ какъ человѣка, любящаго выказываться и нетерпѣливаго, возставилъ его. Преподобный зналъ, что онъ перенесетъ сіе мужественно, и потому сдѣлалъ это, въ назиданіе всѣмъ. Ученикъ же преп. Мины, утверждая истину сего происшествія, сказывалъ: „я прилежно допытывался у него, не напалъ ли на него сонъ, когда онъ былъ оставленъ игуменомъ въ такомъ положеніи? Преподобный отецъ открылъ мнѣ,

*) Въ слав. исправленія.

**) Т. е. преданіе о вочномъ правилѣ, о числѣ псалмовъ или поклоновъ. См. сл. къ пастырю, главу 14-ю.

что лежа на землѣ, онъ прочиталъ наизусть всю псалтирь."

35. Не премину украсить вѣнецъ сего моего слова и настоящимъ смарагдомъ. Однажды завелъ я съ нѣкоторыми изъ мужественнѣйшихъ старцевъ той обители разговоръ о безмолвіи; они же, съ веселымъ видомъ, радушно и ласково отвѣчали мнѣ: „мы, отче Іоанне, будучи вещественны (плотяны), проходимъ и житіе вещественное, разсудивъ напередъ, что намъ должно вступать въ брань соразмѣрную нашей немощи, и признавъ за лучшее бороться съ человѣками, которые иногда бываютъ свирѣпы, а иногда и каются, нежели съ бѣсами, которые всегда неистовы, и всегда вооружаются на насъ.

36. Нѣкто изъ приснопамятныхъ оныхъ мужей, имѣя великую ко мнѣ любовь по Богу и дерзновеніе, сказалъ мнѣ однажды съ искреннимъ расположеніемъ: „Если ты, мудрый, въ чувствѣ души имѣешь силу того, который сказалъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ* (Фил. 4, 13); если Духъ Святый росою чистоты нашелъ на тебя, какъ на святую Дѣву; если сила Вышняго, сила терпѣнія осѣнила тебя: то препоясшь, какъ мужъ (Христосъ Богъ), чресла твоя лентіемъ послушанія, и возставъ съ вечери безмолвія, умывай ноги братій въ сокрушенномъ духѣ, или лучше сказать, повергни себя подъ ноги братства мыслями самоуничиженія. Въ дверяхъ сердца твоего поставь стражей строгихъ и неусыпныхъ, держи неудержимый умъ въ тѣлѣ, находящемся въ молвѣ; при дѣйствіи и движеніи членовъ тѣлесныхъ, обучайся умному безмолвію, что всего достославнѣе; будь неустрашимъ душею среди молвы; связывай языкъ твой, неистово стремящійся на прекословія, и семьдесятъ кратъ седмерицею въ день сражайся съ симъ мучителемъ. На душевномъ крестѣ утверди умъ, какъ утверждаютъ наковальню въ деревѣ; чтобы онъ, будучи поражаемъ частыми ударами молотовъ поруганія, укоренія, осмѣянія и обидъ, пребывалъ нисколько не разслабляемъ, и не сокрушаемъ, но весь гладокъ и

недвижимъ. Совлекись собственной воли, какъ срамной одежды, и обнажась отъ оной, вступи на поприще, что рѣдко и не легко обрѣтается; облекись же въ броню вѣры, невѣріемъ къ подвигоположнику не сокрушаемую и не прободаемую. Безстыдно стремящееся осязаніе укрощай уздою цѣломудрія. Размышленіемъ о смерти удерживай глаза свои, которые ежечасно хотятъ любопытно смотрѣть на тѣлесную красоту и великолѣпіе. Любопытство ума обуздывай попеченіемъ о самомъ себѣ; не позволяй ему осуждать брата въ нерадѣніи, и нелестно изъявляй всякую любовь и милосердіе къ ближнему. *О семъ уразумѣютъ вси,* любезнѣйшій отче, *яко Христовы ученицы есмы, аще* во дружинѣ *любовь имамы между собою* (Іоан. 13, 35). Гряди, гряди, говорилъ сей добрый другъ, гряди сюда, водворись съ нами, и пей на всякій часъ поруганіе какъ воду живую. Давидъ, испытавши все прекрасное и все сладостное подъ небомъ, послѣ всего, какъ бы въ недоумѣніи, сказалъ: *се что добро, или что красно?* не что иное, какъ *еже жити братіи вкупѣ* (Ис. 132, 1). Если же мы еще не сподобились сего блага, т. е. такого терпѣнія и послушанія, то хорошо для насъ по крайней мѣрѣ, познавши немощь свою, пребывая въ уединеніи, и далеко отстоя отъ подвижническаго поприща, ублажать подвизающихся и молиться, чтобы Богъ даровалъ имъ терпѣніе.“ Побѣжденъ я былъ добрымъ симъ отцемъ и превосходнымъ учителемъ, который евангельски и пророчески, лучше же сказать, дружелюбно поборолъ насъ; и мы, безъ сомнѣнія, согласились дать преимущество блаженному послушанію.

37. Воспомянувши еще объ одной душеполезной добродѣтели сихъ блаженныхъ отцевъ, и какъ бы вышедши изъ рая, предложу вамъ опять непріятное и неполезное мое терновословіе. Неоднократно, когда мы стояли на соборной молитвѣ, блаженный пастырь оный замѣчалъ, что нѣкоторые изъ братій бесѣдовали между собою, и таковыхъ ставилъ на всю седмицу передъ церковію, повелѣвая, чтобы они кланялись всѣмъ входящимъ и

исходящимъ. И что еще удивительнѣе, онъ наказывалъ такимъ образомъ и самихъ клириковъ, т. е. священнослужителей.

38. Видѣлъ я, что одинъ изъ братій съ большимъ, нежели многіе, чувствомъ сердца предстоитъ на псалмопѣніи, и особенно въ началѣ пѣсней по нѣкоторымъ движеніямъ и выраженію лица его было замѣтно, какъ бы онъ бесѣдуетъ съ кѣмъ-нибудь; посему я просилъ его, чтобы онъ открылъ мнѣ значеніе сего блаженнаго обычая своего. Онъ же, привыкши не утаивать того, что можетъ быть полезно ближнему, отвѣчалъ: „я привыкъ, отче Іоанне, въ началѣ пѣсней собирать помыслы и умъ съ душею, и созывая ихъ, взывать къ нимъ: *пріидите поклонимся и припадемъ къ самому Христу, Цареви и Богу нашему!*“

39. Наблюдая прилежно за дѣйствіями трапезнаго, я увидѣлъ, что онъ носитъ при поясѣ небольшую книжку; и допросившись о семъ, я узналъ, что онъ ежедневно записываетъ свои помыслы, и все это пересказываетъ пастырю. И не только онъ, но и другіе весьма многіе изъ тамошнихъ братій дѣлали это. Было же установлено это, какъ я слышалъ, заповѣдію великаго онаго пастыря.

40. Одинъ изъ братій былъ нѣкогда имъ изгнанъ изъ монастыря за то, что оклеветалъ предъ нимъ ближняго, назвавъ его пустословомъ и многорѣчивымъ. Изгнанный стоялъ семь дней у воротъ обители, упрашивая, чтобъ его простили и позволили ему войти въ монастырь. Когда душелюбивый отецъ услышалъ объ этомъ, и прилежно развѣдавъ, узналъ, что изгнанный въ продолженіи шести дней ничего не ѣлъ, то объявилъ ему: „если ты непремѣнно хочешь жить въ сей обители, то я помѣщу тебя въ число кающихся.“ И какъ кающійся принялъ сіе съ радостію, то пастырь и повелѣлъ его отвести въ особенную обитель оплакивающихъ свои грѣхопаденія; что тогда же и было исполнено. Но какъ мы теперь упомянули о сей обители, то скажемъ о ней вкратцѣ.

41. Въ разстояніи одного поприща отъ великой обители было мѣсто, называвшееся Темницею, лишенное всякаго утѣшенія. Тамъ никогда нельзя было видѣть ни дыма, ни вина, ни елея, и никакой другой пищи кромѣ хлѣба и небольшаго количества огородныхъ растеній. Въ этомъ мѣстѣ игуменъ заключаетъ безвыходно тѣхъ, которые впадали въ значительные грѣхи, послѣ вступленія въ иночество: и помѣщалъ ихъ не всѣхъ вмѣстѣ, но каждаго въ особой келліи, или по два въ одной, но не болѣе; и держалъ ихъ въ семъ заточеніи, пока не получалъ отъ Бога извѣщенія о каждомъ изъ нихъ. Онъ поставилъ надъ ними и намѣстника, мужа великаго, по имени Исаака, который отъ порученныхъ ему требовалъ почти непрестанной молитвы; а на отгнаніе унынія было у нихъ множество вѣтвей, для плетенія корзинъ. Таково было житіе ихъ, таково устроеніе, таково пребываніе истинно *ищущихъ лице Бога Іаковля* (Пс. 23, 6).

42. Удивляться трудамъ сихъ святыхъ дѣло похвальное; ревновать имъ спасительно; а хотѣть вдругъ сдѣлаться подражателемъ ихъ жизни есть дѣло безразсудное и невозможное.

43. Будучи уязвляемы обличеніями, будемъ вспоминать грѣхи свои, пока Господь, видя нужду насъ, понуждающихся Его ради, не соблаговолитъ изгладить грѣхи наши, и скорби, угрызающія сердце наше, претворитъ въ радость, какъ говоритъ о томъ псалмопѣвецъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ*, въ такой же мѣрѣ *утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19) въ свое время. Не забудемъ и сихъ словъ, которыми онъ вопіетъ ко Господу: *елики явилъ ми еси скорби многи и злы, и обращся оживотворилъ мя еси, и отъ бездны земли*, по паденіи моемъ, *паки возвелъ мя еси* (Пс. 70, 20).

44. Блаженъ, кто, будучи ежедневно укоряемъ и уничижаемъ Бога ради, понуждаетъ себя къ терпѣнію; онъ будетъ ликовать съ мучениками, дерзновенно бесѣдовать и съ Ангелами. Блаженъ монахъ, который каждочасно

почитаетъ себя достойнымъ всякаго безчестія и уничиженія. Блаженъ, кто волю свою умертвилъ совершенно, и все попеченіе о себѣ предалъ своему учителю о Господѣ; онъ будетъ стоять одесную Іисуса Распятаго. Если кто отвергаетъ отъ себя праведное, или неправедное обличеніе, тотъ отвергается своего спасенія; а кто принимаетъ оное со скорбію, или безъ скорби, тотъ скоро получитъ прощеніе согрѣшеній.

45. Вѣру и искреннюю любовь твою къ отцу мысленно возвѣщай Богу; и Богъ, невѣдомымъ образомъ, извѣститъ его о твоей къ нему любви, и равнымъ образомъ расположитъ его къ тебѣ и сдѣлаетъ благосклоннымъ.

46. Объявляющій всякаго змія своему наставнику показываетъ истинную къ нему вѣру; а кто скрываетъ что-нибудь, тотъ еще блуждаетъ по безпутіямъ.

47. Тогда всякій изъ насъ познаетъ, что въ немъ есть братолюбіе, и истинная къ ближнему любовь, когда увидитъ, что плачетъ о согрѣшеніяхъ брата, и радуется о его преуспѣяніи и дарованіяхъ.

48. Кто въ бесѣдѣ упорно желаетъ настоять на своемъ мнѣніи, хотя бы оно было и справедливо, тотъ да знаетъ, что онъ одержимъ діавольскимъ недугомъ; и если онъ такъ поступаетъ въ бесѣдѣ съ равными, то можетъ быть обличеніе старшихъ и исцѣлитъ его; если же обращается такъ съ бо̀льшими себя и мудрѣйшими, то этотъ недугъ отъ людей неисцѣлимъ.

49. Неповинующійся словомъ безъ сомнѣнія не повинуется и дѣломъ; ибо кто въ словѣ невѣренъ, тотъ непреклоненъ и въ дѣлѣ. Таковый напрасно трудится, и отъ святаго повиновенія ничего не получаетъ, кромѣ своего осужденія.

50. Кто, въ повиновеніи отцу своему, пріобрѣлъ совершенно чистую совѣсть, тотъ уже не боится смерти, но ожидаетъ ея ежедневно какъ сна, или лучше сказать какъ жизни, достовѣрно зная, что во время исхода души не отъ него, но отъ наставника потребуется отвѣтъ.

51. Если кто о Господѣ, безъ убѣжденія отца своего,

принялъ какое-нибудь служеніе, и нечаянно подвергся въ немъ преткновенію, то долженъ въ семъ случаѣ не тому приписывать вину, кто вручилъ ему оружіе, но себѣ самому, принявшему оное; ибо онъ получилъ оружіе для сраженія со врагомъ, а вмѣсто того обратилъ оное въ свое сердце. Если же онъ понудилъ себя принять служеніе ради Господа, и поругающему предварительно возвѣстилъ свою немощь, то пусть благодушествуетъ; ибо хотя онъ и палъ, но не умеръ.

52. Забылъ я, возлюбленные, предложить вамъ еще одинъ сладкій хлѣбъ добродѣтели. Видѣлъ я въ той обители послушниковъ о Господѣ, которые сами себя укоряли и безчестили по Богу, для того, чтобы быть готовыми къ принятію уничиженій со стороны, заранѣе пріучившись не бояться безчестій.

53. Душа, помышляющая объ исповѣди, удерживается ею отъ согрѣшеній, какъ бы уздою; ибо грѣхи, которыхъ не исповѣдуемъ отцу, дѣлаемъ уже какъ во тьмѣ и безъ страха. Когда мы во время отсутствія наставника, воображая лице его, думаемъ, что онъ передъ нами стоитъ, и отвращаемся отъ всего того, что, по мнѣнію нашему, было бы ему противно: разговора ли, или слова, или снѣди, или сна, или чего бы то ни было, тогда мы истинно познали искреннее послушаніе; ибо не истинные ученики почитаютъ отшествіе учителя случаемъ радостнымъ, а истинные сыны потерею.

54. Однажды просилъ я одного изъ искуснѣйшихъ старцевъ вразумить меня, какимъ образомъ послушаніе имѣетъ смиреніе? Онъ отвѣчалъ: благоразумный послушникъ, если и мертвыхъ будетъ воскрешать, и дарованіе слезъ получитъ, и избавленія отъ браней достигнетъ, всячески думаетъ, что это совершаетъ молитва отца его духовнаго, и пребываетъ чуждъ и далекъ отъ суетнаго возношенія; да и можетъ ли онъ превозноситься тѣмъ, что, какъ самъ сознаетъ, сдѣлалъ помощію другаго, а не собственнымъ стараніемъ?

55. Безмолвникъ же не имѣетъ этой смиренной мысли въ подобныхъ случаяхъ, потому что возношеніе